

Некрасовские места России

ВСЕМУ НАЧАЛО ЗДЕСЬ,
В КРАЮ МОЕМ РОДИМОМ!..

Ник Некрасов

НЕКРАСОВ

Н. К. НЕКРАСОВ

Гравюры

АЛ. МИЩЕНКО

ГРЕШНЕВО
АБАКУМЦЕВО
ЯРОСЛАВЛЬ
КОСТРОМА
КАРАБИХА
ПЕТЕРБУРГ
ЧУДОВСКАЯ ЛУКА

Верхне-Волжское книжное издательство
Ярославль 1971

В одном из стихотворений 1864 года Н. А. Некрасов писал:

Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

Связь поэта с родным краем, поддерживаемая на протяжении всей жизни, давала постоянную пищу его творчеству.

Охотясь со своими друзьями-крестьянами, Николай Алексеевич останавливался у них и всегда был в курсе деревенских новостей. «Круг его летней охоты — луга смежных губерний: Ярославской, Костромской, Владимирской,— свидетельствует сестра поэта Анна Алексеевна Буткевич.— Он их хорошо знал, и большая часть его типов принадлежит средней России» [1]. С детства

знакомые среднерусские раздолья всегда были близки и милы сердцу поэта.

Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей...

Здесь, на берегах Волги, в родовом гнезде, Некрасов провел детство. Сюда возвращался он не раз, будучи уже известным поэтом. Могучие просторы Волги постоянно влекли Некрасова.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я? —

взволнованно обращался поэт к великой русской реке.

Здесь, в доме отца, Некрасов еще мальчиком научился «любить и ненавидеть». Здесь, увидя, как тянут лямку бурлаки, услыша их песни, «подобные стону», поэт впервые назвал Волгу «рекою рабства и тоски».

Во многих стихах Некрасов воспроизводит правдивые картины своего трудного детства, рисует портреты матери, отца, крепостных охотников, слуг. «Родина», «Псовая охота», «Рыцарь на час», «Мать», «Затворница» и другие стихотворения автобиографического характера дают нам возможность зримо представить ушедшую эпоху с ее людьми, их взаимоотношениями, с ее страстями и конфликтами, нравами и обычаями.

Некоторые стихотворения и поэмы Некрасова почти документальны. В основе их лежит реальный случай,

ставший известным поэту от его друзей-крестьян; действие этих произведений протекает в совершенно конкретных, большей частью хорошо знакомых Некрасову местах, описание которых дается чуть ли не с фотографической точностью. Разумеется, рассказывая о какомлибо случае, он подвергал его поэтической переработке и преподносил читателю в преображенном виде. В основу сюжета поэмы «Коробейники», например, легла фактическая история, которую рассказал Некрасову его «друг-приятель» Гаврила Яковлевич Захаров, крестьянин деревни Шоды Костромской губернии.

Величайшее творение Некрасова — поэма «Кому на Руси жить хорошо» — построена почти целиком на Ярославском и Костромском материале, однако картины, рисуемые в ней, были характерны для всей Руси того времени. Описание многих сел и деревень, через которые идут семь мужиков, дано поэтом очень точно.

Примеров, когда Некрасов использует в своих произведениях конкретные случаи, когда он изображает хорошо знакомых ему людей — множество. Это дало возможность автору настоящей книги попытаться в коротких очерках и новеллах документально рассказать о наиболее интересных случаях и эпизодах, связанных с жизнью и творчеством великого поэта. Очерки и новеллы снабжены гравюрами художника Алексея Ивановича Мищенко. Им созданы серии гравюр и рисунков к книгам о Пушкине, Лермонтове, Толстом, Тургеневе.

Есенине и других русских писателях. Автор очерков и художник побывали в некрасовских местах и собрали интересный материал, который и лег в основу этой книги.

Автор и художник не ставят перед собой задачи полностью охватить все некрасовские места России; не претендуют они и на полный охват всех произведений поэта. В книге рассказывается лишь о наиболее значительных из них и то только в том случае, когда возможно без особой натяжки совместить содержание очерков и новелл с содержанием гравюр.

Н. К. Некрасов.

ГРЕШНЕВО

Я посещал Париж, Неаполь, Ниццу,
Но я нигде так сладко не дышал,
Как в Грешневе...

«Уныние» (вариант)

Сельцо Грешнево (деревня с часовней) принадлежало Алексею Сергеевичу Некрасову, отцу поэта. Расположено оно на левом, низменном берегу Волги, километрах в 20 от Ярославля.

Усадьба Некрасовых, сгоревшая еще при жизни поэта, находилась в самом конце деревни, обращенном в сторону Костромы. Здесь проходили детство и ранняя юность Некрасова. Закончив в Ярославле гимназию, он уехал отсюда в Петербург. Позже поэт не раз посещал этот дом. В окрестностях Грешнева у Некрасова были друзья-крестьяне, у которых он останавливался во время охоты. Это они рассказывали ему истории из деревенской жизни.

Грешневская усадьба и старый отцовский дом ярко воссозданы в автобиографических стихах и поэмах Некрасова.

После смерти Алексея Сергеевича усадьба принадлежала его младшему сыну Федору Алексеевичу Некрасову.

В настоящее время в здании бывшей музыкантской, выстроенной еще в начале прошлого века, открыт филиал музея Н. А. Некрасова.

«ГНЕЗДО МОИХ ОТЦОВ»

В один из осенних дней около старого, потемневшего от времени дома остановился экипаж. Ветвистые липы с одинокими пожелтевшими листьями были свидетелями того, как из экипажа вышла молодая женщина с красивым, но утомленным лицом, как она взяла на руки мальчика и направилась в дом. В комнате, куда вошла женщина, часть пола была разобрана, виднелась земля. Мальчик со страхом и любопытством заглядывал в темную глубину подполья. Мать с сыном прошла в соседнюю комнату, в которой за большим столом,

перед нагоревшей свечой сидели две старушки с вязаньем в руках. Обе они были в очках и старомодных чепчиках, удивительно похожие друг на друга. Старушки поднялись и с радостными лицами стали хлопотать около приехавших.

Впоследствии Некрасов спрашивал у матери: действительно ли было что-нибудь подобное при их первом вступлении в наследственный отцовский дом? Елена Андреевна подивилась памяти сына и подтвердила, что все было именно так, как он говорит. А старушки, вязавшие чулки, были бабушка Николая по отцу и ее сестра [2].

Сельцо Грешнево в ту пору выглядело сыро и неуютно. Мокрый бревенчатый забор, раскисшие дорожки сада, деревья с облетевшими листьями, нахохлившиеся куры, жмущиеся к стенке сарая,— все наводило на унылые размышления. Вдалеке, у самого горизонта, сквозь пелену дождя, виднелась бесконечная темная полоса леса, перед ней — ярко-зеленые поля озими, еще ближе — луга, пастбища, а у самой деревни — извилистая речка Самарка. В двух-трех верстах к югу от усадьбы — Волга. На той стороне Волги в просветах туч поблескивали золотые купола Бабаевского монастыря.

Грешневский дом Некрасовых выходил фасадом на большую дорогу — Ярославско-Костромской низовой тракт, называемый также Сибиркой и Владимиркой. С правой стороны дома — большая терраса. За домом

Музыкантская в Грешневе

располагались господская кухня, баня, людская, каретная мастерская, а в конце сада, у самого выезда из деревни — двухэтажный флигель, в котором жили крепостные музыканты Алексея Сергеевича. За дорогой, на опушке небольшого леска, стояли собачьи домики, там было до полусотни собак разных пород. Отец поэта увлекался псовой охотой и держал много крепостных охотников.

В строгом порядке, ускоренным шагом
Едут псари по холмам и оврагам.
. . . .
Речка внизу, под горою, бежит,
Инеем зелень долины блестит,
А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.

Долго не могла привыкнуть Елена Андреевна к грешневской жизни. Ее обижала грубость мужа, для которого охота была чуть ли не целью жизни. Человек он был суровый и своенравный. Вернувшись с удачной охоты, Алексей Сергеевич кутил в веселой компании. Маленький Некрасов надолго запомнил одну из таких сцен:

А ночью свечи зажжены,
Обычный пир кипит мятежно.
И бледный мальчик, у стены
Прижавшись, слушает прилежно...

И на детей, и на саму Елену Андреевну такие сцены производили гнетущее впечатление.

Оставшись одна, она садилась на скамейку под липой, вспоминала отца, Андрея Семеновича Закревского, городок Брацлав, где он служил секретарем магистрата. Сначала Елену, а затем и младших дочерей Закревский отдал учиться в Винницкий женский пансион, в котором они изучали литературу, музыку, иностранные языки. На каникулы их привозили в Юзвин — местечко, принадлежавшее их отцу. Там, в глуши старого сада, стоял большой уютный родительский дом. Тихие пруды сверкали в зарослях ивняка, яркими цветами пестрели луга, темнел дальний лес.

И так год за годом. Елена Андреевна становится стройной красивой барышней. В Юзвин приезжает молодой офицер — бригадный адъютант расположенного в 40—50 километрах полка, Алексей Сергеевич Некрасов. Он стал частым гостем в семье Закревских, а вскоре был объявлен женихом Елены Андреевны. Андрей Семенович не очень хотел выдавать дочь за небогатого мелкопоместного дворянина, который и в армии сумел дослужиться только до капитана, но так или иначе свадьба состоялась. Об этом событии сохранилась запись в метрической книге Успенской церкви в Юзвине:

«Двадцать восьмого Егерского полка третьей бригады адъютант поручик Алексей Сергеевич сын Некрасов грекороссийского исповедывания, титулярного советника Андрея Семеновича Закревского с дочерью девицею Еленою того ж исповедания... винницким поветовым

протоиреем Петром Вилентием первым браком венчаны...»[3]

Вскоре молодожены уехали в городок Немиров — место службы Алексея Сергеевича. Умная, тихая и приветливая Елена Андреевна спокойно мирилась со многими недостатками в характере мужа. Воспитанная в пансионе, она совсем не знала жизни, считала, что все в мире гармонично и благополучно, а недостатки у людей встречаются случайно, и их следует прощать.

Через три года после рожденья Николая Алексей Сергеевич вышел в отставку. Семья переехала в Грешнево и поселилась в родовой усадьбе. Только здесь поняла Елена Андреевна, что совершила непоправимую ошибку, связав свою судьбу с жестоким малокультурным человеком. Но было уже поздно, надо было воспитывать детей, которые требовали ее постоянной заботы и внимания. Впоследствии, уже после смерти матери, Некрасов писал:

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты,— грудью своей
Защищая любимых детей.

«ЗА ПЕРЕЛЕТНОЙ ПТИЦЕЙ...»

Самое яркое впечатление детства: лес за усадьбой, а на опушке — собачьи домики, разноголосый лай отменных барских псов, свист и гиканье егерей...

Он, десятилетний, в одиночку, крадется на Печельское озеро. У него свое охотничье ружье и своя собака.

Уже октябрь. Озеро прихвачено ледком. В дальней полынье плавает утка. Он нажимает на курок — раздается первый в его жизни охотничий выстрел. Утка убита. Он просит собаку взять добычу. Но собака, испугавшись льда, упорно отказывается лезть в озеро. И тогда он прыгает в ледяную воду сам, а после, в течение многих дней, лежит больной, в простудной горячке [4].

Так происходит его посвящение в охотники. Позже он писал:

Какой восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, навеянный столицей,
С души моей...

Здесь, в Грешневе, каждый приезд Некрасова отмечался охотой. К ней готовились, как к большому празднику. По воспоминаниям сестры поэта Анны Алексеевны в доме поднималась суматоха: звенели ключами, вытаскивали из сундуков разные ненужные вещи — вдруг пригодятся! Чистили серебро, впускали в комнаты охотничьих собак. Дворовые мальчишки сносили в столовую ружья, пороховницы, патронташи. Все это складывалось на большом обеденном столе и разбиралось под веселый шумок взбудораженных предстоящей охотой людей. На пороге вырастала фигура немолодого уже, известного во всей округе охотника Ефима Орловского, за которым посылали перед тем нарочного. На вопрос отца Некрасова, в какие места он думает двинуться с Николаем Алексеевичем, Ефим Орловский с достоинством отвечал: «А поначалу, Алексей Сергеевич, Ярмольцыно обкружим, а потом, известно, к нам, на озеро: уток теперь у нас, так даже пестрит на воде!» — «А сам много бил?» — «Зачем бить, как можно: мы для Николая Алексеевича бережем» [5].

Он приезжал один, без столичных приятелей. Брал

Липы в Грешневском саду

любимую собаку и исчезал из дома на несколько дней, ночуя у знакомых крестьян. Раздражительность его исчезала, из желчного он становился добрым, всех одаривал, особенно крестьянских ребят.

В один из таких приездов произошла крупная ссора с отцом.

В тот раз они поехали на охоту вместе. Отец захватил с собою стаю борзых и гончих. Во время гона кто-то из охотников совершил досадный промах, собаки растерялись и упустили зверя. Отец разъярился. Гнев его был страшен. Он наехал на виновного и ударил его арапником.

Ни слова не говоря, сын поворотил лошадь и ускакал домой.

Анна Алексеевна вспоминала: «...Вскоре воротился и отец не в духе и сердитый. Объяснений никаких не последовало, но брат стал избегать отца — уходил с ружьем и собакой и пропадал по несколько дней, охотясь за дичью со своим сверстником Кузьмою Орловским... Отец видимо скучал — на охоту не ездил. Однажды, когда брат вернулся, отец послал меня непременно уговорить его, чтобы пришел обедать. Обед прошел довольно натянуто, но затем подано было шампанское, за которым и последовало объяснение. Отец горячился, оправдывался... но тем не менее дал слово, что при брате никогда драться не будет, и сдержал его» [6].

...Есть у Некрасова стихотворение «Деревенские новости», в котором он описывает одну из своих поездок в Грешнево:

Вот и Качалов лесок,
Вот и пригорок последний.
Как-то шумлив и легок
Дождь начинается летний,
И по дороге моей,
Светлые, словно из стали,
Тысячи мелких гвоздей
Шляпками вниз поскакали —
Скучная пыль улеглась...
Благодарение богу,
Я совершил еще раз
Милую эту дорогу.

В этом автобиографическом стихотворении он писал о мужиках, у которых крестил детей, о том, как ждали его на охоту, как он с жадностью слушал все деревенские новости: про урожай и порубку леса, про пожары и бурю, про горе солдатки Аксиньи, у которой девочку — было ей с год — съели свиньи...

Какая яркая картина в этих поэтических зарисовках!

Видишь: из каждых ворот
Спешно идет обыватель.
Всё-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель.
. . . .
— «Здравствуй, как жил-поживал?
Не понапрасну мы ждали,
Ты таки слово сдержал.
Выводки крупные стали;

Так уж мы их берегли,
Сами ни штуки не били,
Будет охота — пали!
Только бы ноги служили.
Вишь ты ледащий какой...
. . . .
Али неладно живется?»
— «Сердцем я больно строптив,
Попусту глупое рвется».
. . . .
Сходится в хате моей
Больше да больше народу:
«Ну, говори поскорей,
Что ты слыхал про свободу?»

Стихотворение «Деревенские новости» написано накануне проведения «освободительной реформы». Но пресловутый царский манифест, как известно, не дал крестьянам ничего, кроме нового закабаления, разорения и нищеты.

«СВЕТ И СВОБОДА ПРЕЖДЕ ВСЕГО!»

...Где-то в окрестностях Ярославля, на одной из дорог, русские мужики заспорили о том, «кому живется весело, вольготно на Руси».

Их было семь временнообязанных крестьян из смежных деревень: Заплатова, Дырявина, Разутова, Знобишина, Горелова, Неелова, Неурожайки — Роман, Демьян, Лука, братья Иван да Митродор Губины, старик Пахом и Пров. Вышли они каждый из своей деревни еще до полдня по неотложным делам: кто в кузницу, кто на базар, кто в соседнее село. Встретились случайно, и в споре не заметили, «как село солнце красное, как

вечер наступил». Незаметно они ушли от своих деревень верст за тридцать — неизвестно куда.

Так застала их ночь. Домой они решили не возвращаться, переждать до утра. Птичка-пеночка подарила им скатерть-самобранку, заворожила на них мужицкие армяки от износу, и решили они не просто переждать ночь, чтобы утром вернуться домой, а отдохнуть перед дальней дорогой: нет, не домой они пойдут завтра, а отправятся по Руси искать самого счастливого человека на ней.

«Я задумал изложить в связном рассказе все, что знаю о народе, все, что мне привелось услыхать из уст его...— писал Н. А. Некрасов.— Это будет эпопея современной крестьянской жизни» [7].

Ярославль, Грешнево, Кострома и окрестные села и деревни стали источником, из которого Некрасов черпал материалы для поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Не грешневские ли деревенские новости легли потом в основу некоторых ее глав? Вспомним рассказ грешневских крестьян о том, как свиньи съели у солдатки Аксиньи годовалую девочку, и сравним его с горькой повестью Матрены Тимофеевны Корчагиной о маленьком сыне Демушке в поэме «Кому на Руси жить хорошо»: если в «Деревенских новостях» рассказ о случае с девочкой прозвучал коротко, скупо, то в поэме он разросся в трагическую повесть о безмерном горе-злосчастии, свалившемся на плечи русской женщины. И еще

Грешнево

эпизод из «Деревенских новостей»: мальчик-пастушок, убитый молнией, тот самый мальчик, совсем еще маленький, но очень храбрый и сильный, в одиночку набросившийся на волка и отбивший унесенного из стада барана, за удаль прозванный сельчанами Волчком. В поэме есть целая глава под названием «Волчица». Она повествует о сыне Матрены Тимофеевны, восьмилетнем пастухе Федоте, вырвавшем овцу у голодной волчицы. История грешневского мальчика изложена в поэме по-другому, чем в «Деревенских новостях», но несомненно, что навеяна она была тем самым грешневским случаем.

Вот он, рассказ Матрениного Федотушки:

«...Пошла потише серая,
Идет, идет — оглянется,
А я как припущу!
И села... Я кнутом ее:
«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдает, сидит...
Я не сробел: «Так вырву же,
Хоть умереть!..» И бросился,
И вырвал... Ничего —
Не укусила серая!
Сама едва живехонька...
. . . .
Все ребра на счету,
Глядит, поднявши голову,
Мне в очи... и завыла вдруг!
Завыла, как заплакала.
Пощупал я овцу:
Овца была уж мертвая...
Волчица так ли жалобно
Глядела, выла... Матушка!
Я бросил ей овцу!..»

Мальчика должны были высечь, но Матрена Тимофеевна, вымолив сыну пощаду, легла под кнут сама...

Некрасов действительно изложил в поэме все, что знал о народе, что привелось ему слышать из уст его.

И, рассказав о невыносимом страдании русского народа, о многовековом произволе, чинимом над ним, он запел в конце поэмы песни о свободе, вложив эти песни и пламенные речи в уста Гриши Добросклонова, одного из будущих мстителей за поруганную жизнь народа.

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая,
А загорелась в ней
Искра сокрытая...
. . . .
Рать поднимается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Семь временнообязанных ушли искать правду о счастливом человеке. Поэт провел крестьян за собой по родной земле и показал, что счастливый человек тот, для которого

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Свободу Некрасов считает первоочередной необходимостью. Без нее он не мыслит счастливого народа.

В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.
. . . .
Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином.

Только свободному народу живется весело, вольготно на Руси. Но этой свободы не было. Значит, ее надо было завоевать.

А Б А К У М Ц Е В О

Рад я, что вижу картину
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее сам!

«Дедушка»

Небольшое село Абакумцево расположено на возвышенности в трех-четырех километрах от Грешнева. В нем находится церковь Петра и Павла, прихожанами которой были и Некрасовы. Здесь похоронена мать поэта, Елена Андреевна (могила ее находится у церковной стены, против алтаря), отец Алексей Сергеевич, дед Сергей Алексеевич, старший брат Андрей и другие родственники Николая Алексеевича.

Пруд, на берегу которого стоит церковь Петра и Павла, описан Некрасовым в главе «Сельская ярмонка» поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Абакумцевская церковь, могила Елены Андреевны и семейный склеп Некрасовых запечатлены в стихотворении «Рыцарь на час».

В сорока — пятидесяти метрах от церковной ограды находится школа, построенная Николаем Алексеевичем для крестьянских детей. Она содержалась на средства поэта, который был ее попечителем до конца своей жизни.

СЛОВО О ШКОЛЕ

Среди бумаг Ярославского архива хранится прошение Н. А. Некрасова, адресованное директору училищ Ярославской губернии: «Находя полезным открыть в приходе моем, Ярославской губернии и уезда, в селе Абакумцево (каковому приходу подлежат, между прочим, крестьяне отца моего, майора Алексея Сергеевича Некрасова) училище для обучения крестьянских детей грамоте, необходимой каждому крестьянину... имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство разрешить мне привести мое намерение в исполнение.

При сем прилагаю правила, коим обязуюсь руководствоваться относительно содержания и преподавания в нем:

Все расходы для содержания дома для училища и наем учителя... обязуюсь принять на мой собственный счет, удовлетворяя каждой потребности без задержания.

Ученики освобождаются от всякой платы, обязательной или добровольной и, кроме того, пользуются безвозмездно книгами и другими необходимыми пособиями.

Кроме крестьянских детей принадлежащего мне имения, предоставляю посещать школу всем желающим детям окрестных сел и деревень как казенных, так и частных» [8].

Разрешение на школу было получено, и пока Н. А. Некрасов готовился к строительству специального здания, местный дьячок отдал под нее свой собственный дом. Некрасов составил подписной лист, по которому внес деньги сам и попросил внести определенную сумму своих петербургских друзей. В 1872 году школа была открыта. Как и обязывался поэт в своем прошении, она, до конца его жизни, содержалась на его личные средства.

В Абакумцеве, неподалеку от ветхой церковной ограды, стоит обшитое тесом столетнее двухэтажное здание. Это и есть построенная Н. А. Некрасовым и носящая его имя школа. Здесь уголок поэта, в котором хранились старые издания его книг и сочинений близких друзей: Белинского, Добролюбова, Чернышевского:

здесь были собраны иллюстрации к его произведениям, отдельные номера «Современника».

...Школьная прихожая — маленькая, полутемная комната со специфическим запахом старого деревянного дома. Большие светлые классы. На виду — бронзовый бюст поэта.

Кто же был сподвижником Н. А. Некрасова по его просветительским делам?

В декабре 1969 года в газете «Северный рабочий» (№ 293) А. Ф. Тарасов, директор музея-усадьбы Н. А. Некрасова в Карабихе, опубликовал статью «Учитель из Абакумцева». «...Мало кто знает,— сообщал А. Ф. Тарасов,— что среди друзей и знакомых семьи Ульяновых, часто собиравшихся в их доме, был человек, хорошо знавший Некрасова, начавший свою педагогическую деятельность не без его помощи.

Этот человек — наш земляк Михаил Иванович Зыков».

Далее автор статьи рассказал историю абакумцевского учителя.

В одну из летних поездок в Грешнево Н. А. Некрасов пришел к Абакумцевской церкви, на могилу матери. Здесь он познакомился с местным священником Иваном Григорьевичем Зыковым, человеком высококультурным и передовым, заботившимся о просвещении крестьян. Это он помог поэту открыть в Абакумцеве школу и сам был первым ее учителем.

Позже в школе учительствовали его дочь Александра, которая закончила по ходатайству Н. А. Некрасова Ярославское епархиальное училище, и сын Михаил, выпускник духовной семинарии. Михаил Иванович Зыков окончил семинарию не для духовной карьеры, а с целью получения образования. Будучи под сильным влиянием Н. А. Некрасова, он сдал экзамен на сельского учителя и стал работать в Абакумцевской школе вместо вышедшей замуж и переехавшей в Любим сестры. «Начал свою работу учителя двадцатилетний Михаил Иванович Зыков в 1875 году,— пишет А. Ф. Тарасов,— когда Некрасов последний раз приезжал в Карабиху, навещал Грешнево и Абакумцево. Встречался же он с поэтом неоднократно и раньше, ибо летние каникулы семинаристы проводили в деревне, а Некрасов в это время отдыхал и охотился в наших местах. Будучи попечителем Абакумцевской школы, он наведывался в школу, а однажды, как вспоминают старожилы, даже занимался с ребятами, когда учительница заболела.

После смерти Некрасова Михаил Иванович уехал в Казань, поступил в Казанский учительский институт, а когда его закончил, в 1881 году был назначен помощником учителя Симбирского городского училища».

Незадолго до создания школы в Абакумцеве поэт написал стихотворение «Школьник», в которое вложил свою мечту о просвещенном народе. Его сейчас знают все:

Школа, построенная Н. А. Некрасовым

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.
Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Как же он был счастлив, когда многие из таких босоногих школьников переступили порог его собственной школы в селе Абакумцеве!

Пройдет время, и сердце его, уже смертельно больного, переполнится гордостью от слов, сказанных студентами:

«Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья.

Знай же, что ты не одинок, что взлелеет и возрастит семена эти всей душой тебя любящая, учащаяся молодежь русская» [9].

МАТЬ И СЫН

В стороне от городского шума, на высокой горе, сразу за селом, посреди зеленых лугов стоит старая церковь, на белой стене которой отражается тень одинокого креста. И в лучшие времена Некрасов не раз с болью вспоминал эти дорогие для него места. Но особенно тянуло его сюда в дни неудач и душевного смятения. Тогда он мысленно обращался к многострадальной матери своей и говорил с ней, как с живою.

Он звал ее, чтобы спеть свои последние горькие

песни, просил прощения за то, что это были — не песни утешения. Он погибал и ради спасения призывал ее любовь. Он каялся ей в невольных своих ошибках и просил наставить на правый путь...

Спи, кто может,— я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой...
В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

Потрясающая картина: поэт, скорбно опустив голову, стоит у белого мраморного памятника с надписью: «Елена Андреевна Некрасова, скончалась 29 июля 1841 года». Ночь. Лунный свет заливает землю, церковь, могилу и склонившегося над ней одинокого человека, который шепчет:

Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клевещут язвительней,—
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!

Семейный склеп Некрасовых

Он жаловался на то, что прошла шумная молодость, что кончаются силы для борьбы, что много этих сил было потрачено на битвы, не принесшие побед. Из самого сердца рвалась его просьба: «От ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови уведи меня в стан погибающих за великое дело любви!»

Этот страстный монолог, обращенный к матери у ее креста, запечатлен в стихах «Рыцарь на час».

Он не раз приезжал сюда, на эту дорогую его сердцу могилу. И всегда горько страдал, помня о том, что не успел повидаться с матерью перед ее кончиной. Случилось так, что ехал Некрасов на свадьбу сестры, а попал на похороны матери. Умерла она совсем молодой.

Памятник Елене Андреевне поставила ее дочь, сестра Николая Алексеевича, Анна Алексеевна Буткевич. Вблизи стоит каменная часовня — фамильный склеп Некрасовых. Поэт был рад, что его мать похоронили не в этом душном, темном склепе. Он и себя завещал не хоронить под ненавистным «семейным сводом».

Стихи Некрасова о матери, едва ли не самые проникновенные во всей русской поэзии, стали достойным ее благородной личности литературным памятником.

Они очень дружили, сын и мать. Некрасов «...говорил мне тогда со слезами о своем детстве,— свидетельствовал Ф. М. Достоевский,— о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей

матери; та сила умиления, с которой он вспоминал о ней, рождала и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путеводной звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то уж, конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление...», связанное «с мученицей матерью, с существом столько любившим его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властно подействовать на его волю...» [10]

Мать оказала огромное благотворное влияние на все его творчество.

И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты,
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты —
О мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!

О матери поэта, Елене Андреевне Закревской, многое осталось неизвестно. Нет ее портрета, нет личных вещей, нет даже писем. Единственный документ с ее подписью был обнаружен недавно директором карабихского музея-усадьбы Н. А. Некрасова А. Ф. Тарасовым в Ярославском архиве. Это ревизская сказка на крепостную девушку, привезенную матерью с Украины. После перечисления всех примет девушки идет подпись: «К сей ревизской сказке майорша Елена Андреева дочь, жена Некрасова руку приложила» [11].

По воспоминаниям очевидцев, мать Некрасова была очень хороша собой, талантлива, образованна. Великолепно знала литературу, прекрасно пела, играла на фортепьяно. О ней говорили крестьянки, что барыня была добрая. С каждым поговорит, расспросит, кто как живет, о детях, о муже, поможет советом, даст, что может.

Некрасов в своих стихах постоянно обращается к матери. Вспоминая один из приездов в Грешнево, он пишет:

В полдневный зной вошел я в старый сад;
В нем семь ключей сверкают и гремят.
Внимая их порывистому пенью,
Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленой сенью,
Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день...

Жестокость мужа сломила эту гордую душу. Елена Андреевна слишком рано сошла в могилу, оставив о себе непреходящую сыновью память.

НА ТЕРЯЕВСКОЙ ГОРЕ

За Абакумцевым стоит так называемая Теряевская гора. С ее вершины открывается великолепный вид на окрестности. Как на ладони просматриваются «сто деревенек крестьянских» и бывшие имения Некрасовых — Грешнево, Васильково, Кощевка... Видны в ясную погоду Ярославль и Кострома.

На эту гору Некрасов поднимался, чтобы побыть наедине с самим собою и полюбоваться приволжскими просторами. Но эта живописная картина омрачалась сознанием, что в избах, виднеющихся за купами де-

ревьев, живут крепостные, чья судьба так глубоко его волновала.

Вспоминая о своем дворянском происхождении, Некрасов писал: «Судьбе угодно было, чтобы я пользовался крепостным хлебом только до шестнадцати лет, далее я не только никогда не владел крепостными, но будучи наследником своих отцов, имевших родовые поместья, не был ни одного дня даже владельцем клочка родовой земли...

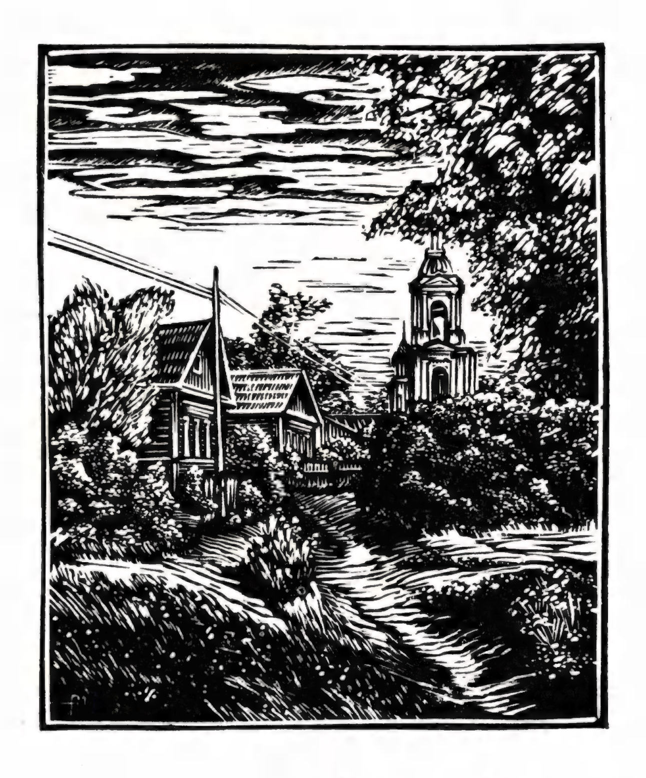
> Хлеб полей, возделанных рабами,
> Нейдет мне впрок...

Написав этот стих еще почти в детстве, может быть я желал оправдать его на деле» [12].

На Теряевской горе он проводил с крестьянскими ребятишками свое детство. Потом приходил сюда перед отъездом в Петербург. Что ожидало его в большом городе? Как сложится дальнейшая жизнь?

Здесь он грустил о матери, вспоминая прощание с нею. Это Елена Андреевна настояла на том, чтобы сын ехал учиться в университет, хотя отец заставлял поступать в полк и даже достал рекомендательное письмо к петербургскому генералу.

Отправляясь в далекую столицу, он проехал мимо стоящих в поле трех старых сосен (одна из них сохранилась и поныне), оглянулся на холмы, за которыми скрылся родительский дом, последний раз взглянул на Теряевскую гору.

Уголок села Абакумцева

Возможно, что именно в эту поездку Некрасов услышал от ямщика печальную историю одной крестьянской девочки.

Ямщик рассказал ему, как девочку Грушу взяли на воспитание в барский дом, и как она росла вместе с господскими дочерьми. После смерти помещика наследники выгнали простую мужичку из барского дома и отправили ее на скотный двор. Потом выдали девушку замуж за деревенского парня, она надорвалась в мужниной семье от непосильной работы, заболела чахоткой и растаяла на глазах мужа, как свечка... Эту историю он передал народу в стихотворении «В дороге».

В последний свой приезд в родные места поэт застал родительскую усадьбу разоренной.

С вершины Теряевской горы смотрел он на опустевшее родовое гнездо, где еще недавно стоял старый родительский дом, и думал об отшумевшей отцовской жизни с ее разгулом и псовой охотой, о слезах бедной матери своей, о стонах дворовых мужиков и баб.

«Самый дом,— записал он,— последние двадцать лет стоявший в развалинах

. . . . пуст и глух:
Ни женщин, ни псарей, ни конюхов, ни слуг...

Недавно сгорел, говорят, в ясную погоду при самом тихом ветре, так что липы посаженные моей матерью, в 6-ти шагах от балкона только закоптились...

Зато Грешневцы теперь сравнительно процветают, пользуясь даже яблоками покинутого сада, которых обыкновенно в начале августа уже нет и следа. Кушайте их на здоровье, беловолосые ребятишки, бегайте в нем сколько душе угодно...»[13]

Поэт вспоминает о годах, проведенных в Грешневе, о своих отношениях с отцом и вновь записывает: «Я должен, по народному выражению, снять с души моей грех. В произведениях моей ранней молодости встречаются стихи, в которых я желчно и резко отзывался о моем отце. Это было несправедливо, вытекало из юношеского сознания, что отец мой крепостник, а я либеральный поэт. Но чем же другим мог быть тогда мой отец? — я побивал не крепостное право, а его лично, тогда как разница между нами была собственно во времени. Иное дело, личные черты моего отца, его характер, его семейные отношения...»[14]

Не желая быть «владельцем даже клочка родовой земли», Некрасов после смерти Алексея Сергеевича передает следовавшую ему часть грешневского наследства брату Федору Алексеевичу.

Вскоре грешневская усадьба была продана. Писатель Николай Сергеевич Ашукин, побывавший в Грешневе в 1915 году, рассказывал, что уже тогда от господского дома Некрасовых, кроме полуразрушенного фундамента, ничего не сохранилось. В единственном уцелевшем здании с кирпичным нижним и деревянным верхним этажом

новый владелец усадьбы открыл чайную «Раздолье». Здесь когда-то жили крепостные музыканты А. С. Некрасова, отца поэта. Как свидетельствовали современники, оркестр был довольно хороший и его часто приглашали на свадьбы и вечера в окрестные селения и в Ярославль. «Музыка теперь составляет единственное мое удовольствие»,— писал Алексей Сергеевич сыну в январе 1858 года.

Ныне здание музыкантской восстановлено, а на месте барского дома строится школа и клуб.

ЯРОСЛАВЛЬ

Гляди, как тихо катит Волга
Свои спокойные струи,
Уснув в песчаной колыбели;
Как, нагибаясь до земли,
Таскают бурлаки кули...

«Несчастные»

В Ярославле Н. А. Некрасов учился в гимназии (1832—1837 гг.). Поэт бывал в Ярославле и позже, проездом в Грешнево, а иногда и специально. Одно время здесь жил его отец. Поэт останавливался обычно не у отца, а в гостиницах или частных домах; некоторые из них сохранились до наших дней.

В окрестностях Ярославля у Некрасова было много друзей среди крестьян, особенно охотников: Николай Осорин, Афанасий Бутылин, Кузьма Солнышков и др. Некрасов, совершая охотничьи походы, бывал в самых глухих уголках Ярославской губернии. Из таких поездок поэт привозил много интересного материала.

Поэма «Саша», стихотворения «Свадьба», «Давно отвергнутый тобою», «На родине» и другие написаны Некрасовым в Ярославле.

В ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ

В Ярославле на углу Крестьянской и Революционной улиц стоит дом, на фасаде которого установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь учился великий русский поэт Н. А. Некрасов (1832—1837 гг.)». В тридцатые годы прошлого века, как свидетельствовал П. И. Мизинов, «Ярославская гимназия помещалась в собственном двухэтажном каменном доме» [15]. На вывеске золотыми литерами были выведены слова: «Губернская гимназия». В 1886 году дом этот был перестроен.

О гимназическом периоде жизни Некрасова имеются документальные воспоминания его соученика М. Горошкова. По его словам, Ярославская гимназия тех времен представляла из себя учебное заведение, порядки, нравы и методы преподавания которого давно отошли в прошлое. В каждом классе, кроме парт, имелся учительский стол, запиравшийся на замок, и березовый стул для учителя. Классы иногда окуривались курительным порошком из медной курильницы. Сени освещались масляными лампами. Учителя нередко били учеников линейкой, а наказание розгами считалось обычным делом и было официально разрешено. Не об этом ли вспоминает Некрасов в стихотворении «Суд»?

Но живо вспомнил я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас!

М. Горошков рассказывает об учителе французского языка Карле Карловиче Турне: «Помню, читали мы «Телемака»... ученики должны были иметь перед собой книгу, один читал какой-нибудь отрывок, другой должен был продолжать; чтение шло по очереди. Был среди нас ученик Рейбург. Было чтенье, Турне вызывал читать одного за другим. Рейбург в это время о чем-то замечтался. «Рейбург, продолжай»,— обратился к нему Турне. Ученик мялся. Турне подбежал к нему с линейкой в одной руке и тонко очиненным карандашом в другой

и как-то ткнул ученику последним в руку. Потекла кровь.— «Карл Карлович, вы меня прокололи, вот кровь»,— говорил Рейбург.— «Ну, ну, молчи»,— успокаивал его Турне.— «Да как же молчать? Вот кишки из руки лезут».— «Ну, ну, молчи, ничего, пройдет»,— успокаивал Рейбурга Турне. Преподавание всех почти предметов велось по системе «от сих и до сих». Вот является в класс отец Алексей, старичок священник от Воздвиженской церкви, спросит заданное и вновь задаст от такого-то места до такого-то; ни бесед, ни рассказов в классе никогда ничего не было...» [16]

Такова была атмосфера этого учебного заведения. Гимназисты являлись на занятия часов в восемь, уроки шли до двух. Перемены были маленькие, едва один учитель успевал сменять другого. Сидели за большими партами, расставленными в два ряда, человек по шесть.

Особых событий в гимназии не происходило, но одно событие, нередко потом повторявшееся, запомнилось надолго. Это был знаменитый кулачный бой гимназистов с семинаристами. «Сходились перед началом боя у Спасского монастыря,— вспоминал М. Горошков,— около церкви Михаила Архангела. Сойдутся, заспорят, начнется драка. Приказчики из лавок по соседству принимают нашу сторону, к семинаристам на помощь подходят из закоторосльной части мастеровые, рабочие. Свалка, начавшаяся у церкви, заканчивается внизу набережной, на Михайловском поле. Бой ведется при

этом с соблюдением некоторых рыцарских правил: «лежачего не бить», медными пятаками или чем-нибудь подобным не драться и т. д. Я помню, чуть не заколотили до смерти одного мужика, у которого оказался старый медный пятак. Никакой полиции во время свалки не бывало, да и вообще она тогда мало известна была в городе. Эти бои были только тогда, когда я учился еще в первом классе; после их уже почему-то не стало...» [17]

Но особенно ценны в этих воспоминаниях свидетельства о Некрасове-гимназисте. «В гимназию я поступил еще до... 1833 года. Тут и встретился я с двумя Некрасовыми, Николаем и Андреем. Оба они учились в одном классе, первом. Пробыл я с ними года два. В обоих братьях сразу бросалась в глаза большая разница. Характера Андрей был вялого; часто казался он почти больным, учился по всем предметам плохо. Бывало, учитель российской словесности и логики, Туношенский, спросит его заданный урок, он отвечает: «Учил я да не выучил...» Что касается до другого брата Николая, то тот наоборот учился хорошо и часто сидел на первых партах. Ученики в то время ежемесячно рассаживались по успехам: кто успешнее, того сажали в первые ряды, и Некрасов Николай, я помню, сидел иногда около меня, то на первой, то на второй лавке. Николая мы все очень любили за его характер и особенно за его рассказы; все, бывало, рассказывает он нам про эпизоды из деревенской жизни. После, с годами Некрасова назы-

Здание бывшей губернской гимназии

вали народным поэтом; народом его рассказы проникнуты были еще на школьной скамье...» [18]

«В классах Некрасов, бывало, все сидит и читает, а в перемены что-нибудь рассказывает... Не прочь он был и пошалить, но шалости не были выходящими из ряда других. Постоянно, помню, носил он в левом кармане тавлинку с Чубаковским табаком. Маленькая такая, вроде эллипса, и ремешок в средине приделан. В классе, бывало, вынет эту тавлинку и начнет нюхать табак и других угощать. В 5 классе был, помню, урок Петра Павловича Туношенского. Ходит Туношенский по классу, подходит к Некрасову, а тот читает книгу да из тавлинки понюхивает... «Что ты, Николка, делаешь?» — закричит Петр Павлович. «Нюхаю, Петр Павлович»,— отвечает Некрасов. «Ах, ты негодный какой!» — кричит Туношенский, выхватывает тавлинку и топчет ее сапогом... Некрасов хохочет: «Ничего,— говорит,— завтра новая будет». На другой день смотрим, опять у Николая тавлинка такая же, как и прежде... «Да откуда ты достаешь их»,— спрашиваем мы.— «Откуда? Да я сколько хочешь, хоть 20 их наделаю». И новую тавлинку опять как-нибудь отнимет тот же Петр Павлович Туношенский...» [19]

Некрасов участвовал с другими гимназистами и в общих прогулках. «Большею частью гуляли мы в Полушкиной роще. Соберутся, бывало, своекоштные ученики, воспитанники Дома призрения ближнего со своим

надзирателем и отправлялись все. Бегаем в роще, в лапту играем, играем в городки...»

Неподалеку от площадки, где проходили эти игры, росла старая сосна. «Соберемся, бывало, к этой сосне, захвативши предварительно пистолеты, и стреляем в нее. И теперь в ней сидит вероятно, не мало наших пуль. Гуляли и в осиновой роще у берега Волги... Ездили в рощу и на лодках и пешком ходили. Песни, бывало, певали во время поездки в лодке. Была у нас любимая песня:

Век юный, прелестный,
Друзья, пролетит,
И все в поднебесной
Изменой грозит...

Пели все, кто хотел и кто мог петь. На обратной дороге из рощи затягивалась обыкновенно «Вниз по матушке по Волге...» [20]

Очень ценны воспоминания М. Горошкова о том, как в те времена выглядел Некрасов. «Наружность его помню до сих пор хорошо; как живой стоит он передо мной: коренастый, небольшого роста, красивый по наружности, остриженный, в своем — форменном однобортном с светлыми белыми пуговицами и красным воротником... сюртуке...

Года два пробыл я вместе с Некрасовым. Помню, переведен был я в 6-й класс, в Петровки мы разъехались все... Кончилось вакационное время, снова собрались мы, но Некрасова уже не было. Куда девался он, отчего

прекратилось его ученье, я не знаю... Никаких слухов о причинах его исчезновения между нами не было...»[21]

Действительно, достоверных сведений — почему Некрасов покинул гимназию — нет. Был ли это разлад гимназического начальства с его отцом из-за неуплаты последним денег за обучение сыновей? Или упорное нежелание самого Некрасова продолжать обучение у тупого Туношенского, недалекого отца Алексея и драчливого француза Карла Карловича Турне? Скорее всего — Некрасова неудержимо влекло в Петербург, в университет, к настоящим наукам. Его манила мечта стать известным поэтом. И он сказал об этом очень определенно:

В столицу я за славой торопился...

«ПРИПОМНИШЬ БЕДНЫЙ ГОРОДОК»

В поэме «Несчастные» Некрасов развертывает панораму величавого и стройного Петербурга, с его пышными дворцами, храмами и мостами. Блестящей столице поэт противопоставляет скромный волжский городок,

Где солнца каждому довольно.
То правда: город не широк,
Не длинен — лай судейской шавки
В нем слышен вдоль и поперек.
Домишки малы, пусты лавки,
Собор, четыре кабака,
Тюрьма, шлагбаум полосатый,
Дом судный, госпиталь дощатый
И площадь... площадь велика:
Кругом не видно ей границы,

И, слышно, осенью на ней
Чудак, заезжий из столицы,
Успешно ищет дупелей.

В этом небольшом отрывке целая картина провинциального города. Правда, картина несколько ироническая, но именно ирония и помогла поэту более контрастно противопоставить провинциальный городок столице. Конечно, нельзя ставить знак равенства между Ярославлем некрасовских времен и городом, описанным в поэме. Поэт дает обобщенный образ волжского города, типичного для того времени.

Некрасов прожил в Ярославле около пяти лет и понятно, что «бедный городок» впоследствии часто вспоминался ему. Читая последние строки поэмы, легко можно себе представить его атмосферу и быт.

В Ярославле Некрасов жил безмятежно и независимо. Впоследствии А. Я. Панаева записала рассказ поэта о том, «как его мальчиком с братом привезли в Ярославль готовиться к поступлению в гимназию и поселили на квартире с крепостным ментором, который был обязан присматривать за ними, чтобы они аккуратно ходили в класс к учителю, и готовить им обед. Но крепостному ментору после деревни представлялось столько соблазнов в Ярославле, что он, не желая возиться с стряпней, выдавал мальчикам на руки тридцать копеек, оставлял на их произвол продовольствовать себя. Мальчики очень были довольны своим

ментором и, в свою очередь, нашли лучшим, вместо учения, с утра отправляться на загородные прогулки, запасаясь хлебом и колбасой, и до вечера не являлись домой. Но привольная жизнь крепостного ментора и его питомцев продолжалась недолго. Раз, вернувшись вечером с прогулки, мальчики пришли в ужас: их встретил отец, до которого дошли слухи о их привольной жизни. У крепостного ментора обе скулы были сильно припухши, и он был отправлен в деревню, а к мальчикам был приставлен другой ментор, тоже крепостной, но более старый и строгий. Они очень скоро подметили, что этот строгий ментор, уложив их спать, дозволял себе после дневных трудов выпить. Некрасов с братом вылезали из окна и отправлялись в трактир, где маркером был тоже крепостной их отца, отпущенный по оброку, и практиковались в игре на биллиарде, быстро приобретали большие познания в ней, но зато в науках успехи их были очень плохие»[22].

О тогдашней своей жизни в провинциальном волжском городе Некрасов рассказывает с предельной откровенностью:

Но там бесплодно гибнут силы,
Там духота, бездумье, лень,
Там время тянется сонливо,
Как самодельная расшива
По тихой Волге в летний день.
Там только не грешно родиться
Или под старость умирать.
Куда ж идти? К чему стремиться?
Где силы юные пытать?

И вот он иносказательно заявляет о своем побеге в Петербург:

Храни господь того, кто скажет:
«Простите, мирные поля!» —
И бедный свой челнок привяжет
К корме большого корабля...

Он ушел из Ярославля в большое плаванье, привязав «свой челнок» к «корме большого корабля» русской литературы. А много лет спустя, тридцатого июня 1855 года напишет письмо Тургеневу: «Помнишь, на охоте как-то *прошептал* я тебе начало рассказа в стихах — оно тебе понравилось; весной нынче в Ярославле я этот рассказ написал, и так как это сделано единственно по твоему желанию, то и посвятить его желаю тебе...» [23]

Речь шла о 3-й и 4-й главах поэмы «Саша».

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы —
Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Поэма произвела глубокое впечатление на революционеров-демократов. Вера Фигнер свидетельствовала: «Над этой поэмой я думала, как еще никогда в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать. Поэма учила, как жить, к чему стремиться. Согласовать слово с делом — вот чему учила поэма, требовать этого согласования от себя и от других учила она. И это стало девизом моей жизни» [24].

Бывший Спасо-Преображенский монастырь

Некрасов ушел из гимназии в июне 1837 года, а в Петербург уехал в июле 1838-го. В это время отец поэта Алексей Сергеевич поступил на службу и, по-видимому, жил с семьей в Ярославле. Косвенным доказательством этого служат метрические записи о смерти брата Андрея и матери, которые связаны с Воскресенской церковью в Ярославле.

Об этом периоде жизни Некрасова вспоминает Стасюлевич: «Одно время его отец был исправником; он любил часто скуки ради брать сына Николая в разъезды по делам службы; таким образом, мальчик 12—13 лет присутствовал при различных сценах народной жизни, при следствиях, при вскрытии трупов, а иногда и при расправах во вкусе прежнего времени. Все это производило глубокое впечатление на ребенка и рано, в живых картинах, знакомило его с тогдашними, часто слишком тяжелыми условиями народной жизни» [25]. Дальше Стасюлевич пишет о том, что начало этого очерка написано со слов самого Некрасова и ему прочтено для фактической проверки. Правда, здесь есть небольшая неточность: Алексей Сергеевич был назначен капитан-исправником в 1837 году, когда Некрасову было не 12—13, а 15—16 лет.

ГОВОРЯТ СТАРЫЕ ЗДАНИЯ

Современный Ярославль совсем не похож на тихий, сонный городок, который так красочно описал Некрасов. Сейчас это большой областной город с населением, превышающим полмиллиона человек, с огромными заводами, с новыми районами, широкими улицами и просторными площадями. О временах Некрасова здесь напоминают лишь древние церкви да старые здания, скромно соседствующие со своими современными собратьями. Некоторые из этих домов могли бы рассказать немало интересного о Николае Алексеевиче, о его родных и близких.

Впервые Некрасов приехал в Ярославль в сентябре 1832 года. Его гимназический товарищ М. Горошков в

5 Заказ 3996

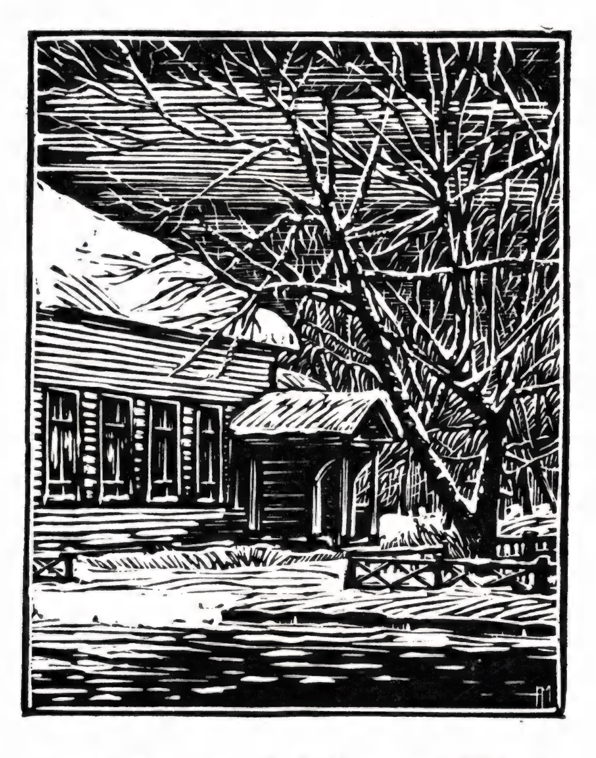
своих воспоминаниях об этом периоде жизни Некрасова писал: «...Жил он во время учения в гимназии где-то на Воскресенской улице, вблизи самого гимназического дома...» [26]

В середине апреля 1855 года Некрасов снова приезжает в Ярославль. Он останавливается в доме Хомутова на Дворянской улице (ныне пр. Октября, 20), который, по словам старожилов, был окружен большим садом, заросшим сиренью и жасмином. Некрасов прожил в Ярославле до середины июня. За это время он написал стихотворения «Давно отвергнутый тобою» и «Свадьба», исправил стихотворение «Памяти Асенковой» и закончил поэму «Саша».

Впоследствии дом Хомутова приобретает брат поэта Федор Алексеевич Некрасов [27].

Бывая в Ярославле, Некрасов посещал отца, который жил в доме купца Хманова. В «Ярославских губернских ведомостях» за 1856 г. имеется объявление Алексея Сергеевича о продаже домашних вещей. В нем указан и его адрес: Дом купца Хманова против церкви Вознесенья, на прудах. Этот деревянный двухэтажный дом находится на улице Свободы (№ 61).

В доме, который Алексей Сергеевич снимал у купца Хманова, жил и младший брат поэта Константин Алексеевич, неудачник с тяжелой и трудной судьбой. Константин был человеком не без таланта и, по-видимому, под влиянием поэтической деятельности брата писал

Дом, в котором жил Н. А. Некрасов в 1855 году

стихи. Не имея средств к существованию, он находился в полной зависимости от отца, человека властного и сурового. После одной из ссор Алексей Сергеевич выгнал Константина из дому, и тот вынужден был на последние гроши снимать угол. В это время он поселился в доме уездной секретарши Шевяковой, на Никитской улице, № 34 (ныне улица Салтыкова-Щедрина). Дома Хманова и Шевяковой находились друг от друга через один квартал и были угловыми, так что весьма вероятно, что из окон одного был виден другой [28].

В последний год жизни Алексея Сергеевича Некрасов проводил лето в Карабихе и часто бывал у больного отца. В письме от 7 октября 1862 года к Евгению Ивановичу Якушкину (сыну декабриста И. Д. Якушкина) поэт сообщает: «Я давно желал быть у Вас, но в последние два месяца смертельная болезнь моего отца отнимает у меня все время» [29].

Некрасов уезжает в Петербург, но вскоре получает телеграмму от брата Федора. В ней сообщается о тяжелом состоянии отца, и Николай Алексеевич срочно выезжает в Ярославль.

Алексей Сергеевич скончался 30 ноября 1862 года и был похоронен в семейном склепе, в ограде церкви Петра и Павла в селе Абакумцеве.

После покупки Карабихи в 1861 году поэт почти не останавливается в Ярославле. Летом 1875 года Не-

красов последний раз приезжал в Карабиху и был в Ярославле.

В этот приезд Николай Алексеевич работал над первой частью поэмы «Современники», охотился. При отъезде в Киев его товарища по охоте Л. Дмитриева Некрасов написал экспромт:

Милый, не брани его,
Коли дурен спич:
Путь далек до Киева,
Позабудешь дичь!

В начале августа Некрасов возвратился в Петербург и в родных местах больше уже не бывал.

ЯРОСЛАВСКИЕ ГОСТИНИЦЫ

Друг детства Н. А. Некрасова, охотник Кузьма Ефимович Солнышков в своих воспоминаниях сообщал: «В Ярославле, в Пастуховской гостинице Николай Алексеевич имел постоянно № 1, останавливался в приезды в Ярославль в нем сам и, когда посылал кого-либо из усадьбы, тоже велел останавливаться там» [30].

Научный сотрудник Карабихского музея-усадьбы поэта К. Чернова в статье «Некрасов в Ярославле» сообщает: «Пастуховская гостиница просуществовала, видимо, недолго, т. к. в «Адрес-календаре г. Ярославля

за 1872 год» об этой гостинице не упоминается. Да и старожилы города Ярославля не помнят о ней, а помнят, что в доме Пастухова, в котором когда-то была гостиница, помещалась частная гимназия Корсунской. В первом этаже этого дома был магазин железо-скобяных изделий, второй этаж занимала гимназия, а третий — пустовал. В настоящее время это большое, трехэтажное здание занимает главный почтамт (площадь Подбельского)» [31].

Осенью 1840 года в письме в Ярославль к сестре Елизавете Алексеевне Некрасов жалуется на скуку и удрученное состояние: «Я день и ночь тружусь для суеты»,— сетует поэт. Времени для «мысли и мечты» у него не остается ни часу. «Если не помешают мне обстоятельства, то в декабре я непременно приеду к вам, милая сестра; тогда увидимся, тогда перескажем друг другу все...» [32]

В этот период Николай Алексеевич вел тяжелую борьбу за существование и часто впадал в подавленное пессимистическое состояние. Приблизительно в это же время Некрасов начал сотрудничать в «Литературной газете», редактором которой был известный журналист и театральный критик Федор Алексеевич Кони.

Предполагаемая поездка не состоялась, но Некрасов не оставляет мысли побывать в Ярославле.

«Почтеннейший Федор Алексеевич! — обращается он в письме к Кони в июле 1841 года.— Пишу к Вам

потому, что, желая нетерпеливо бежать из Петербурга, хочу знать, скоро ли Вы воротитесь. Уведомьте меня наверное: мне долго еще оставаться здесь нельзя. Разные семейные дела призывают меня в Ярославль»[33].

В следующем письме Некрасов снова пишет Ф. А. Кони: «Понадеясь на Ваше обещание быть сюда не позже 15-го июля, я написал домой, что к 25-му числу буду в Ярославле, где меня и ожидают к свадьбе сестры моей... Я бы уехал, признаться, и без Вас, если б имел деньги, но дело в том, что вся моя надежда касательно поездки домой основывается на Вас, т. е. на деньгах, которые я у Вас заработал...

Остаюсь Ваш настоящий, прошедший и будущий

Н. Некрасов»[34].

В Ярославль Некрасов прибыл немного позже, чем предполагал, по-видимому, первого августа и пробыл там до глубокой осени. Последнее его письмо из Ярославля датировано 25-м ноября 1841 года.

В письме от 16 августа поэт сообщает Ф. А. Кони о своих делах: «Положение мое теперь таково, что мне собственно для себя незачем торопиться в Петербург; присутствие мое дома гораздо нужнее. Мать моя умерла за три дня до моего приезда, отец мой постоянно болен; братья еще малы; все это могло бы удержать меня здесь надолго...

Мой адрес: В Ярославле, на углу Стрелецкой улицы, в доме *Чепахина*»[35].

Бывшая гостиница Чепахина
(пл. Подбельского, 2/27)

Дом Чепахина находился совсем близко от квартиры на Воскресенской улице, где жил отец Некрасова. Это двухэтажное каменное здание сохранилось до наших дней (пл. Подбельского, № 2/27). В то время, когда в нем останавливался Николай Алексеевич, в доме сдавались комнаты для приезжающих. Сейчас внутренняя планировка комнат изменена, а внешний вид дома остался почти таким же, каким он был во времена Некрасова.

Почему Николай Алексеевич останавливался в доме Чепахина, а не в квартире отца? Ответить на этот вопрос можно только предположительно — достоверными сведениями мы не располагаем. В этот свой приезд в Ярославль Некрасов занимался литературной работой, а это требовало известных удобств. Квартира Алексея Сергеевича была маленькой и неудобной. Подходящей комнаты для сына он предоставить не мог. По-видимому, этим и объясняется то, что поэт останавливался в гостинице Чепахина, тем более что она находилась всего в 200—300 метрах от квартиры отца.

«СЕЙТЕ РАЗУМНОЕ...»

В Ярославле на площади Труда, № 73, стоит дом с белыми колоннами, историю которого знают очень немногие...

Об этой истории красноречивее всего повествуют документы. 3 октября 1964 года ярославская газета «Северный рабочий» опубликовала письмо в редакцию «Забытый памятник». В нем, в частности, говорится: «...У нас в Ярославле на одной из центральных площадей стоит здание, построенное в 1914 году специально для библиотеки имени Н. А. Некрасова». Библиотека эта была основана в 1899 году, по настоянию прогрессивно настроенной интеллигенции.

Сохранилась выписка из журнала очередного засе-

дания Ярославской городской думы от 29 мая 1914 года, на котором рассматривался вопрос об отводе участка городской земли в бессрочное и безвозмездное пользование Совета Общества содействия народному образованию под постройку здания для Некрасовской библиотеки...

Городской голова, гласный думы Н. П. Щапов произнес на заседании следующую речь:

«Почти 15 лет тому назад, 17 октября 1899 года Обществом содействия народному образованию в Ярославле открыта была первая бесплатная народная библиотека-читальня, которой затем присвоено было наименование «Некрасовской»... (Дальше идет перечень частных помещений, где в течение 15-ти лет ютилась библиотека. Это тесные, большей частью полутемные и абсолютно не приспособленные для хранения и выдачи книг каморки.— *Н. Н.*). Более подробные сведения о тех невозможных условиях, в которых находится почти единственная и теперь бесплатная библиотека в Ярославле, а также сведения о причинах этого явления содержатся в приложенном при сем печатном отчете Общества за 1912 г.

Теснота и неприспособленность наемных помещений не могла, разумеется, не отражаться самым нежелательным образом в развитии деятельности библиотеки.

Но и при столь неблагоприятных условиях число подписчиков библиотеки, как это видно из отчета, очень

Театр им. Волкова

значительно. В 1912 году их насчитывалось 2045 человек. Все это преимущественно неимущие слои городского населения и учащиеся разных учебных заведений. Учащиеся городских начальных школ, в числе подписчиков, насчитывают свыше 500 человек. Число посетивших читательный зал при библиотеке в 1912 году выразилось в сумме 15 841...

На столь ненормальное положение библиотеки, носящей наименование замечательного поэта-ярославца, было, наконец, обращено внимание родственницей поэта, Натальей Павловной Некрасовой (женой брата поэта Федора Алексеевича Некрасова.— *Н. Н.*), которая письмом на имя председателя общества от 29 марта с. г. изъявила готовность пожертвовать (необходимые по смете.— *Н. Н.*) 19 тысяч рублей на постройку специального здания для библиотеки...

Теперь перед обществом встает вопрос об участке земли, на котором могло бы быть выстроено упомянутое здание. Средствами на приобретение такого участка общество совершенно не располагает и это обстоятельство вынуждает его обратиться с настоящим ходатайством к Ярославскому городскому общественному управлению о предоставлении под постройку библиотечного здания участка городской земли размером 10,5 × 9,5 сажень.

Если городской думе угодно будет удовлетворить настоящее ходатайство, то мытарствам библиотеки по-

ложен будет конец. Постройку здания предполагается начать и закончить в течение предстоящего строительного сезона с таким расчетом, чтобы пятнадцатилетний юбилей существования библиотеки, исполняющийся 17 октября текущего года, представилось возможным скромно отпраздновать в собственном помещении».

Документ сам по себе настолько интересен, что не нуждается в комментариях. Председатель логически доказывал необходимость отвода участка под строительство специального здания библиотеки. «Испрашивая участок городской земли в бессрочное и безвозмездное пользование,— подчеркнул он,— Совет Общества позволяет себе предложить Городскому Управлению взять на себя обязательство в том смысле, чтобы в случае ликвидации дел Общества город принял на себя имеющее быть выстроенным на этом участке здание в свою полную собственность при том условии, чтобы в означенном здании ничего, кроме библиотеки не помещалось...»

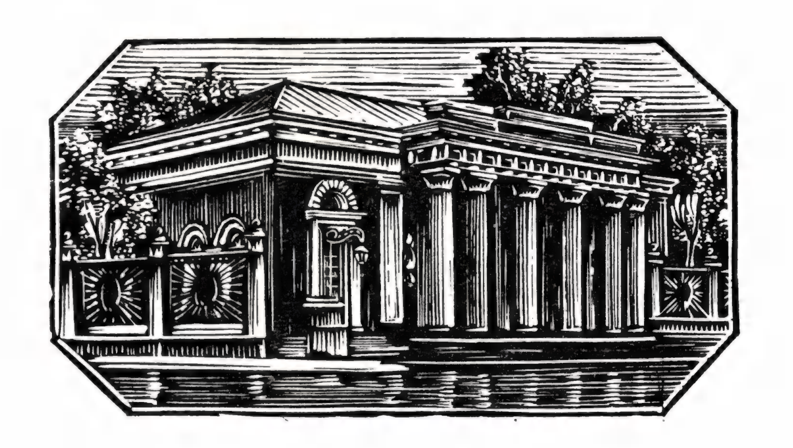
Это ходатайство рассматривалось в комиссии по общим вопросам городского хозяйства на заседании 7-го мая. Присутствовавшие на заседании гласные Н. В. Адольфов, К. А. Белозеров, Н. И. Гарцев возражали против разрешения Обществу построить здание на предполагаемом участке, так как этот участок ценен тем, что он угловой, находится на торговом месте и здесь возможно построить доходное торговое помещение...

Гласные А. П. Преображенский, В. С. Лопатин, В. В. Дунаев, Е. М. Иваньшин всецело поддержали ходатайство Общества, мотивируя тем, что «нельзя забывать культурные потребности, что с другой стороны городское владение в этом месте очень большое — и места хватит и для других построек...»

Закрытой баллотировкой шарами принимается постановление: «Разрешить обществу постройку здания для библиотеки на городском участке земли на углу Сенной площади и Пошехонской улицы площадью не более 100 кв. сажен и на условиях, изложенных в прошении Общества».

Здание библиотеки строилось по проекту архитектора Г. В. Саренко. Оно было закончено в течение четырех месяцев — к октябрю 1914 года. Сейчас имя Н. А. Некрасова присвоено самой большой в городе, областной библиотеке.

КОСТРОМА

Хороша наша губерния,
Славен город Кострома.
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут...

«Коробейники»

Приезжая в Кострому, Некрасов обычно останавливался в гостинице «Россия», здание которой сохранилось до нашего времени (пр. Мира, № 1). Здесь же останавливался и драматург А. Н. Островский, с которым поэт часто встречался. Они любили отдыхать в беседке на берегу Волги, откуда открывался великолепный вид. Ныне эта беседка носит имя Островского.

Озера и болота Костромской низины были любимыми местами охоты Некрасова.

Кострому Некрасов изображает в главе «Губернаторша» поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Многие уголки костромской земли Некрасов запечатлел в поэме: уездный город Буй, где сидел в остроге дед Савелий, «Корежену» на реке Кореге, где местные жители вместе с Савелием убили немца Фогеля, деревню Босово, в которой «Яким Нагой живет», «село Усово» (Большие соли) и т. д. Полностью на костромском материале написаны поэма «Коробейники» и стихотворение «Дедушка Мазай и зайцы».

НА РОДИНЕ ДЕДА МАЗАЯ

Писатель М. Пришвин рассказывает о том, как он в конце 30-х годов открыл для себя край деда Мазая. «Случилось, в это время к нам в охотничью секцию клуба писателей поступило предложение взять как охотничью базу тот самый край, где была создана поэма Некрасова «Мазай и зайцы». Оказалось, что уже лет десять ездил сюда охотиться Новиков-Прибой и привозил отсюда множество уток. Старый охотник неплохо делал, что помалкивал о богатых дичью ме-

стах... Тут, к счастью моему, пришло время юбилейного чествования Некрасова, и Алексей Силыч, по-видимому, не счел себя в праве больше умалчивать о Вежах, где жил Мазай: он предложил нашей секции сделать Вежи охотничьей базой писателей и тем почтить память поэта. Мы узнали тут, что Вежи и сейчас находятся в том самом виде, как при Некрасове, что точно так же, как и в его время, каждую весну волжская вода приходит в эту большую низину, и спасать приходится теперь не только зайцев, но и лосей, которых со времен Некрасова здесь развелось очень много...» [36]

Деревня Малые Вежи находилась в Мисковской волости Костромской губернии. Газета «Костромской листок» № 140 писала в 1902 году в примечаниях к статье Мизенца «Об одном из костромских знакомых Н. А. Некрасова», что Малые Вежи зарастали хмелем, так как почти вся Мисковская волость занималась хмелеводством. Но, по словам тамошних жителей, избы этой деревни не стояли на высоких столбах, как описано у Некрасова. На столбах стояли бани. Весенние воды заливали окрестности и превращали каждое селение в остров, а до изб все же не доходили.

Позже волжские воды совсем затопили Мазаевы места. Пришвин рассказывал, что был свидетелем того, как здесь появились партии изыскателей, на дорогах загудели тракторы и самосвалы: шло строительство «Большой Волги», разбудившее край непуганых птиц.

Часовня в деревне Некрасово

Теперь, оказавшись в этих местах, можно взобраться на крутую дамбу, ограждающую от затопления низменные луга и пастбища «Костромского приморья», и увидеть с нее извилистые заливы и тесные протоки, заросшие тростником, небольшие бухточки, полуострова, старицы... И вдали, на голубом просторе — многочисленные островки с гнездовьями уток, чаек и долговязых цапель. Невдалеке находятся селения — Моховатый, Кунниково, Ведерки. Здесь, недалеко от Ведерок, и находились те самые Вежи, в окрестностях которых частенько охотился Н. А. Некрасов с Мазаем. Вот так поэт описывает эту деревеньку:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,
Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах
(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,
Словно Венеция)...

Возвращаясь с охоты из мазаевых мест, Некрасов любил отдохнуть в березовой роще у озера, на берегу которого стояла старая часовня (она находится в деревне Некрасово и сохранилась до наших дней). Часовня расписана фресками XVIII века, отображавшими битву костромичей с татарами. Художник изобразил одного из воинов с иконой Федоровской богоматери, покровительницы Костромы, в руках. От нее расходятся огненные языки. По бытовавшей в то время легенде татары

были ослеплены исходящим от иконы пламенем и, ослепленные, в панике, стали избивать друг друга.

...М. Пришвин рассказывал, что дед Мазай существовал не только в воображении Некрасова, а действительно жил все время в этих Вежах, охотился с Некрасовым, спасал зайцев...

Образ своего друга Мазая Некрасов рисует с особенным теплом и любовью.

...Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.
Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!
За́ сорок верст в Кострому прямиком
Сбегать лесами ему нипочем...
. . . .
Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,
Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.
Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка,— заяц уходит...

Поэму «Дедушка Мазай и зайцы» Н. Некрасов посвятил русским детям,— таким же ребятишкам, с которыми он в детстве так любил играть и которые впоследствии на всю жизнь остались его друзьями.

БОГАТЫРЬ КОРЕЖСКИЙ

Кострома существует уже более восьмисот лет. Город был основан ростово-суздальским князем Юрием Долгоруким примерно в 1152—1157 годах. Легенда рассказывает, что в 1272 году костромичи вступили в бой с отрядами татарских сборщиков дани и неподалеку от города, на берегу озера, называемого ныне Некрасовским, одержали над ними победу.

При слиянии реки Костромы с Волгой, в густой зелени вековых деревьев, блестят золотые купола Ипатьев-

ского монастыря. Построен он был в XIII веке как один из укрепленных пунктов в системе обороны границ Московского княжества. Сейчас этот интереснейший историко-архитектурный памятник превращен в музей.

Ансамбль Ипатьевского монастыря окружен высокими крепостными стенами. Тяжелые резные ворота ведут во второй внутренний двор. Здесь среди пестрого лугового великолепия стоит на высоких дубовых столбах сказочной красоты церквушка, а вокруг нее свайный поселок. Церковь Преображения и баньки, стоящие на сваях, были перевезены в ограду Ипатьевского монастыря в связи с затоплением Мазаевых мест в 1957 году.

Стояла церковь Преображения в селе Спас-Вежи на берегу реки Соть. Весной эта небольшая, спокойная речушка буйно разливалась и затопляла всю округу. Охотясь с Мазаем в окрестностях Вежей, Некрасов, конечно, бывал в этой замечательной, сработанной без единого гвоздя церквушке. В половодье люди добирались до нее на лодках. С высокого деревянного помоста можно было любоваться «большой водой» и видеть, как на копне сена или на вывернутом льдиной дереве спасаются зайцы и другие лесные зверюшки.

С Ипатьевским монастырем связано и имя Ивана Сусанина, который жил в селе Домнине, километрах в семидесяти от Костромы. Неподалеку от этих мест Некрасов поселил одного из героев поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Савелия — богатыря святорусского.

Слова, которыми Савелий характеризует русского мужика, относятся прежде всего к нему самому:

...Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломалися.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Все терпит богатырь!
И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?

Савелий учинил расправу над немцем Фогелем в тех же глухих костромских лесах, в которых Иван Сусанин погубил польских захватчиков. «Поэт показывает трудный и сложный путь, которым шло нарастание бунтарских настроений и формирование сознания Савелия: от молчаливого терпения — к пассивному сопротивлению, от пассивного сопротивления — к открытому протесту и борьбе» [37].

Тюрьма и порка не сломили, а только озлобили деда Савелия, усилили его волю к сопротивлению. Он трижды убегал с каторги. Скитаясь по безлюдной тайге, Савелий несколько раз набредал на съезжие избы, где останавливалось высшее начальство во время служебных разъездов по округу. Савелий вспоминает, как, дождавшись ночи, он жестоко мстил угнетателям народа:

А двери-то каменьями,
Корнями, всякой всячиной

Бывший Ипатьевский монастырь

Снаружи заложу —
Кругом избы валежнику
Понавалю
Зажгу со всех сторон
Горите все проклятые!..

С каторги Савелий вернулся подлинным народным героем. В ответ на укоры сына, который называл его «клейменым, каторжным», дед Савелий гордо говорит: «Клейменый, да не раб!» Царская каторга — не позор, а суровое испытание стойкости и мужества бунтаря.

Стремясь глубже подчеркнуть народную сущность образа деда Савелия, Некрасов даже внешне сделал его похожим на Ивана Сусанина. В главе «Губернаторша» Матрена Тимофеевна идет в Кострому, чтобы выручить мужа, отданного не в очередь в солдаты. Увидя памятник Сусанину, она сразу же замечает сходство Савелия и Сусанина:

Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
«Чей памятник?» — «Сусанина».

Дед Савелий — один из центральных образов поэмы «Кому на Руси жить хорошо». В нем Некрасов воплотил могучие силы, непреклонное упорство русского народа, его бунтарские стремления и ненависть к поработителям.

ПОВЕСТЬ О КОСТРОМСКИХ КОРОБЕЙНИКАХ

Деревня Шода, в которой жил приятель Н. А. Некрасова Гаврила Яковлевич Захаров, находится ныне в Костромском районе. Привольно раскинулась она на берегу тихой реки Мезы, протекающей среди глухих лесов и звонких сосновых боров. В половодье эта тихая речка нередко выявляет свой не очень-то мирный нрав. Она почти полностью затопляет деревню, и жителям приходится общаться между собой при помощи лодок или плотов.

Это ему, «другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)» Некрасов посвятил поэму «Коробейники»:

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу,
Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

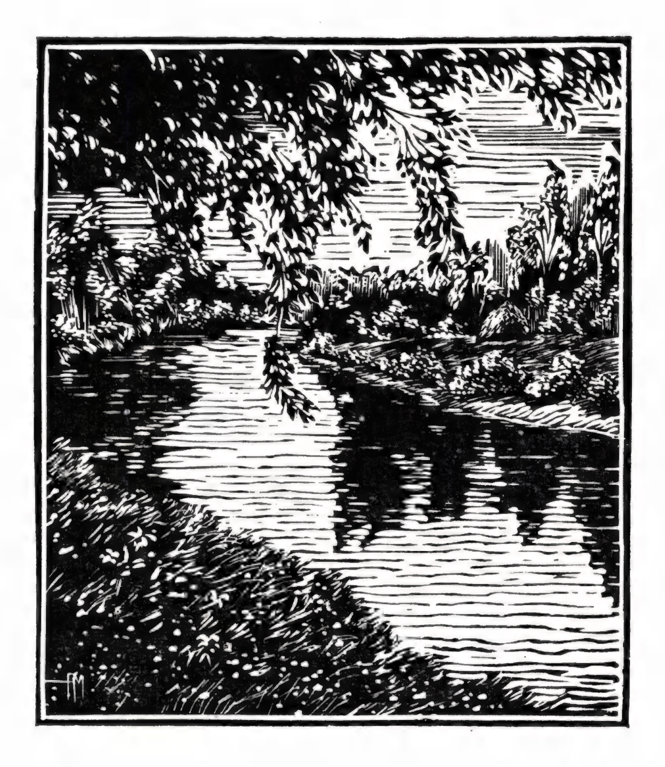
Гаврила Яковлевич Захаров был одним из близких приятелей Некрасова. Об этой трогательной дружбе рассказывает и дошедшее до нас письмо Гаврилы Яковлевича к Некрасову:

«Христос Воскресе!

Дорогой ты мой боярин Николай Алексеевич!

Дай тебе Бог всякого благополучия и здравия, да поскорей бы воротица в Карабихе. Об ком же и вспомнить, как не о тебе, в такой великий и светлый праздник. Стосковалось мое ретивое, что давно не вижу тебя, сокола ясного. Частенько на мыслях ты у меня и как с тобою я похаживал по болотинам вдвоем, и все ето оченна помню, как бы ето вчера было, и восне ты мне часто привидишься.

Полюбуйся-ка на свой подарочек Юрку. Ишь как свернулася, сердешная, у ног моих, ни на минутую с ней не растаемся. Сука важнеющая, стойка мертвая, да уж

Река Меза

и берегу я ея пуще глаз своих. А кабы знато да ведано, когда ты будешь на которое число в Карабихе или Грешневе, так духом бы мы с Юркою пробрались бы полями к тебе.

Больно ведь мне тебя жалко, болезный ты мой, вот так и рвется душенька из груди моей к те навстречу. А уш как под селом Юсуповым новое местечко дупелое припас я про тебя, так уш чудо, настоящая царская охота — что шаг, то дупель али бекас, а уж этой белой куропатки так видимо-невидимо: целые стада подымаются из-под Юрки. Приведет она тебя так на сажень, да как скажешь: «пиль» — этак ажно в глазах заребит, да как из обоих стволов хватишь, так до десятка смотришь и лежит. Пощелкали мы прошлой осенью довольно долгоносых-то, да жирных таких, что по фунту без мала весу в дупеле одном... Коли надумаешь ты порадовать меня, то пришли мне поскорее свой патрет, хочь бы одним гласком я посмотрел на тебя. Пиши страховым письмом, а то украдут на поште, ныне слышь больно неисправна она стала...

Нынче зимою привелось мне поохотица и за лосями, трех повалил этаких верблюдов, а одного еще по черностопу угораздило убить так в шкуре неснетой вытенул 19 пудов и 7 фунтов. Прощай родимый. Не забывай и нас, а засим остаюсь друг и приятель твой, деревни Шоды крестьянин Гаврила Яковлев, а со слов его писал унтер офицер Кузьма Резвяков» (апрель 1869 г.) [38].

В поэме рассказана история двух «лыком шитых купцов» — коробейников Ивана и старика Тихоныча. Шли они из деревни в деревню, продавая немудреные свои товары, будоража поселян внезапным появлением и балагурством. Известный отрывок из поэмы «Ой, полным-полна коробушка», который в народе стал песней, повествует о любви коробейника Ивана и крестьянской девушки Катерины, так и не дождавшейся своего суженого к покрову дню, на который обещал он с нею обвенчаться. Печальна эта история о коробейниках: они были убиты и ограблены после удачной своей торговли злодеем-лесником.

Сюжет поэмы возник у Некрасова после курьезного случая на охоте. В тот раз он охотился в окрестностях Шоды вместе с Гаврилой Яковлевичем. Исследователь жизни и творчества Некрасова Мизенец, комментируя «Коробейников», писал: «Некрасов убил бекаса, а Гаврила в тот же момент — другого, так что Некрасов не слыхал выстрела. Собака, к его удивлению, принесла ему обоих бекасов. «Как,— спрашивает он Гаврилу,— стрелял я в одного, а убил двух?» По этому поводу Гаврила рассказал ему о двух других бекасах, которые попали одному охотнику под заряд. Этот случай дал повод для рассказа об убийстве коробейников, которое произошло в Мисковской волости.

Два бекаса нынче славные
Мне попали под заряд!

7 Заказ 3996

Другие подробности, например, о Катеринушке, которой приходилось

Парня ждать до Покрова,

основаны на рассказах Матрены, жены Гаврилы, теперь тоже умершей, которая также сидела в одиночестве, как и Катеринушка»[39].

Рассказ Гаврилы Яковлевича о двух «платошниках», «попавших под заряд одному охотнику», сводится к следующему. Охотник Давыд Петров из деревни Сухоруковой встретил в своей деревне коробейников, направлявшихся в село Закобякино Ярославской губернии. Он «надумал» убить их, чтобы забрать деньги. Коробейники поняли, что не к добру оказался около них как будто недавно виденный человек с ружьем. Пастушок слышал выстрелы и крики в лесу. После убийства Давыд затащил одного убитого на дерево, другого спрятал под корни. И когда их нашли, не знали, кто убил.

Вскоре пошли слухи, что Давыдка разбогател. Стали догадываться о причинах его неожиданного обогащения. Гаврила Яковлевич делал ружье, но Давыдка не заплатил ему за работу. В «дмитриев день» позвал Гаврила Яковлевич Давыдку, и вместе пошли они к пастушку Ведининю, который слышал выстрелы и крики в лесу. Сперва изрядно выпили, а потом и «подзадорили детинушку»... Он рассказал им всю правду. Из французского

ствола убил одного наповал, а из русского не сразу. Раненый просил отпустить его душу на покаяние. Как только Давыдка признался, Гаврила Яковлевич строго сказал ему: «Много денег набрал, а мне не заплатил за ружье. Разве я тебе на то его мастерил?» Осердился и «потаскал» его тут же. Начальству на Давыдку не донесли и не хотели, чтобы оно узнало об убийстве [40].

А вот как описывается это происшествие в поэме:

Пел старик, а сам поглядывал:
Поминутно лесничок
То к плечу ружье прикладывал,
То потрогивал курок.
. . . .
«Эй, уймись! Чего дурачишься? —
Молвил Ванька.— Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить».
А лесник опять наметился.
«Не шути!» — «Чаво шутить!» —
Коробейники отпрянули,
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,
С криком падает старик...

«Конец поэмы — «судьи тотчас все доведали»,— писал А. Попов,— разговоры перед убийством и собаку при убийстве придумал... сам Некрасов. Убийство произошло верстах в 20-ти от Шоды к востоку, к Молвитинской дороге, в Мисковской волости» [41].

Прототипами героев «коробейников» были сам Гаврила Яковлевич и его жена Марианна Родионовна, которую Мизенец ошибочно называет Матреной. Некрасов изобразил всю эту историю настолько живо и реально, что и Гаврила Яковлевич и Марианна Родионовна узнали в поэме себя и поняли, какой «подарочек» преподнес им поэт.

КАРАБИХА

Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!

«Тишина»

Усадьба Карабиха была приобретена Некрасовым в 1861 году. Расположена она в 15-ти километрах от Ярославля, неподалеку от Московского шоссе. Усадьба стоит на высоком холме, с которого открывается великолепный вид на окрестности.

На протяжении 1862—1875 годов Н. А. Некрасов приезжал в Карабиху десять раз. В общей сложности поэт прожил здесь около двух с половиной лет.

В Карабихе бывали А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Д. В. Григорович. Здесь жил и любимый брат поэта Федор Алексеевич Некрасов. Жил здесь и второй брат, Константин Алексеевич, для которого Некрасов построил небольшой домик.

В Карабихе созданы поэмы «Мороз Красный нос», «Русские женщины», «Дедушка», первая часть «Современников», стихотворения «Орина, мать солдатская», «Калистрат», «Возвращение»... Здесь же поэт работал и над поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

В 1946 году, в 125-летие со дня рождения поэта, в Карабихе был создан музей-усадьба Н. А. Некрасова.

УСАДЬБА ГОЛИЦЫНА

16 апреля 1861 года Некрасов писал отцу из Петербурга: «Любезнейший батюшка... Вы знаете, что здесь жизнь моя идет не без тревоги; в деревне я ищу полной свободы и совершенной беспечности... я располагаю из 12-ти месяцев от 6 до 7 — жить в деревне — и частию заниматься.— Вот почему я ищу непременно усадьбу без крестьян, без процессов, и, если можно, без всяких хлопот...» [42]

В том же году была приобретена усадьба Карабиха, расположенная неподалеку от Ярославля. Имение это принадлежало ярославскому гражданскому губернатору

князю Голицыну, у наследников которого и купил его Некрасов.

От деревни Карабиха к усадьбе вела березовая аллея, упирающаяся в старинные каменные ворота. В левой части большого парадного двора стоял центральный двухэтажный флигель, увенчанный бельведером. Справа и слева от него — два флигеля несколько меньшего размера. С центральным флигелем они соединялись крытыми галереями. К верхней веранде задней стороны центрального флигеля вели каменные подъезды, по бокам которых цвели георгины.

Против большого дома был разбит верхний парк, в русском стиле — с березовыми и еловыми аллеями.

На покатом спуске к реке Которосли раскинулся нижний парк со старыми липами. Прямо перед домом была зеленая лужайка, на которой стоял большой развесистый кедр.

В Карабихе постоянно жил брат поэта Федор Алексеевич с семьей. Впоследствии Некрасов уступил ему имение, оставив для своих приездов восточный флигель.

Об атмосфере Карабихи тех лет сохранились подробные воспоминания жены Федора Алексеевича Натальи Павловны Некрасовой. До нас дошла и ее записная книжка, которая начинается словами: «Вышла замуж в 1872 году, 17 сентября в воскресенье; свадьба была в Москве в церкви Сергея Пушкаря. Мужу моему

Центральный флигель музея-усадьбы

Федору Алексеевичу Некрасову было 45 лет, а мне 22 года»[43].

Она познакомилась с поэтом летом 1872 года. Федор Алексеевич тогда был вдов, имел пятерых маленьких детей, а сестра Натальи Павловны служила у них гувернанткой. По настоятельному приглашению Федора Алексеевича Наталья Павловна приехала к ним погостить.

Она вспоминала: «Сестра была очень обрадована; Федор Алексеевич тоже принял меня чрезвычайно радушно и тотчас сообщил, что в соседнем флигеле живет его старший брат Николай, уже известный в то время поэт, стихами которого увлекалась и я...»[44]

Братья имели обыкновение обедать друг у друга. На одном из таких обедов Наталью Павловну представили Николаю Алексеевичу. «...Поэт был ростом выше среднего, моложавый, с живыми черными глазами... почти бронзовым цветом лица... Он был приветлив, общителен... Обеды наши были оживлены и веселы; почти всегда на них присутствовал третий брат, Константин, который жил в Ярославле, но, большей частью находился в Карабихе, и почти всегда бывал кто-нибудь из хороших знакомых. Оба брата придирались к каждому подходящему случаю, чтобы угостить нас шампанским.

После обеда мы уходили в парк, гуляли по его аллеям, спускались к пруду, или на родник, питавший

его, где широкая прозрачная струя холодной воды, вытекая с горы, невидимо откуда, попадала в желоба и оттуда каскадом с шумом и брызгами падала на землю и ручьем по песку и камням устремлялась в пруд. Из пруда по другому ручью вода бежала в речку Которосль — приток Волги. В самую жаркую пору у родника было прохладно, вероятно, благодаря могучей растительности, вызванной к жизни теплом, обилием влаги и тучной землей на склонах оврага. Под вековыми деревьями, склонившимися над скрытым зеленью ручьем, стояла скамейка, на которой поэт любил посидеть и выкурить сигару. Потом мы поднимались в гору ближе к дому, заходили на площадку, устроенную у каменной ограды парка, и любовались чудным видом. А вид был действительно великолепный, широкий и далекий. Горизонт открывался с восточной и южной сторон, и к линии его террасами поднимались поля и леса, луга и снова поля и леса. Много виднелось деревень и сел с белыми церквами, придающими чисто русский колорит этой картине, и чудилось в ней что-то близкое, дорогое, родное...» [45]

К сожалению, намерение Некрасова проводить в Карабихе по 6—7 месяцев в году не осуществилось: его держали в Петербурге неотложные журнальные дела.

«Любезнейший брат Федор!

Пожалуйста, не обвиняй нас в нежелании побывать в Карабихе нынешним летом,— сообщал Некрасов 21 ав-

густа 1874 года,— мы этого очень желали и все еще надеялись хоть поздно вырваться; но теперь уже ясно, что не попадем, и я пишу.

В мае арестовали 5 № «Отечественных записок» — и вот причина, что мои планы разстроились. Я должен был приложить личное внимание к каждой книге, что и до ныне продолжаю.

Жил я около Чудова; пил мариенбадскую воду, время провели скучно; лето здесь было скверное.

Кланяемся Наталье Павловне. Приезжайте к нам в Петербург в октябре, будем рады.

Весь твой

Н. Некрасов» [46].

Но Федор Алексеевич с женой не сумели приехать в Петербург этой осенью. Они встретились лишь летом 1875 года. Некрасов приехал в Карабиху с сестрой Анной Алексеевной, Зинаидой Николаевной и ее племянницей. «Он был такой же остроумный собеседник,— вспоминает Н. П. Некрасова,— всегда забавно и остроумно описывал свои охоты и встречи, но в его наружности произошла некоторая перемена — он похудел, осунулся: очевидно болезнь уже начала подтачивать его организм...» [47]

Поэт тогда уже был серьезно болен, это был его последний приезд в родные места.

ТРУДНАЯ СУДЬБА БРАТА

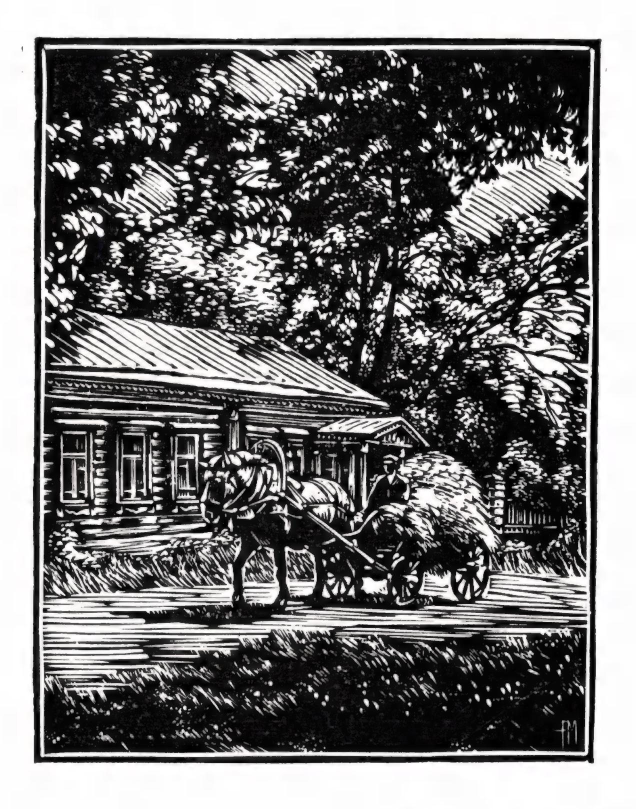
С правой стороны карабихского парадного двора, напротив центрального флигеля, стоит рубленый деревянный домик — убежище брата Некрасова, Константина Алексеевича. С ним в семье Некрасовых связана особая история.

Этот человек оказался с такой незадачливой судьбой, словно жизнь сыграла с ним горькую шутку.

Он служил в армии. Во время пребывания на Кавказе тяжело заболел, стал нищим. Еле выпросил у отца денег на дорогу, с трудом добрался до родных мест,

где ему была уготована полная зависимость от сурового отца. В отчаянии он писал братьям: «...Я хотел поступить в Депутатское собрание, полагая, что родитель не откажет мне выдавать ежемесячно по 25 рублей (до получения первого чина), он-же как-бы в насмешку давал только 15 рублей с тем, что-бы на эти деньги нанимать квартиру, одеваться, пить и есть... Итак, надежды быть порядочным, полезным человеком лопнули, а жить под деспотическим правлением отца мне надоело, слушать оскорбительные для сердца укоризны (из-за какого-нибудь рубля данного на табак) тоже; надо было искать случая вырваться из этой муки и я нашол! Отец уехал в Москву, а я женился на молодинькой девушке, душа и карман у которой чисты, как хрусталь...» [48]

Очевидно, предполагая, что кто-нибудь из братьев будет недоволен женитьбой, он спрашивал их в этом отчаянном своем письме от 3 октября 1857 года: «Любезныя братья! Прежде чем сердится, скажите прямо, что оставалось делать человеку, неимеющему права располагать своей свободой... Естли Вы, друзья мои, будете думать, что я сделал это с пьяных глаз, то сильно ошибаетесь, брат ваш не дурак, имеет совесть и обмановать не будет. Отец страшно сердится на меня и, как слышно, написал духовное завещание, по которому все отказал Вам, (с чем и поздравляю),— все это ничуть меня не испугало, я знал родительскую душу и на имение его никогда не ращитывал.— Что будет дальше, но теперь

«Зеленый домик»

душа моя покойна, просить на табак денег неуково! Уважая доброй нрав жены моей, я для нее совсем переродился, поклонение Багусу давно уничтожено, здоровье мое, так давно требующее покою, в следствие Кавказских передряг, начинает крепнуть. Сделайте милость, не удивляйтесь и не сердитесь, что я женился на мещанке, поверьте, что она гораздо умнее этих светских вертячек, у которых головы напичканы непотребными романами, в следствие чего они вертят мущинами, как чорт палкой, да, наконец, сравните вы образ одичалой, угрюмой жизни моей с уставами модницы барышни привыкшей ко всевозможным наслаждениям; ну мне ли, степняку, возится с этими воздушными метеорами... Показав предварительно благочинному Гурию угол пятирублевой ассигнации, объявил ему о своем желании, и в след затем 26-го Августа был обвенчан. На третий день после произшествия приехал отец и, узнав о случившемся, откатал Гурия базарной бранью, я хотел было намекнуть о помиловании, но родитель, повторив серопегую брань, выгнал нас обоих из дому, после чего занавес опустился и представление кончилось довольно не удачно...— поймите же, друзья мои, трудныя обстоятельства брата и помогите мне хотя словом...» [49]

Некрасов сразу отозвался на это горькое братнино письмо. Он и деньгами ему помог, и немедленно отправил лечиться за границу, сначала в Эмс, затем в Бад-Соден — местечко близ Франкфурта-на-Майне.

Когда Константин Алексеевич вернулся из-за границы, Некрасов писал брату Федору Алексеевичу: «...выдай... 150 рублей брату Константину...» «...Брату Константину кланяйся от меня, и выдавай ему из моих денег *по 50 рублей в месяц*, начиная с *Июня*. Если пожелает разом взять за два за три месяца вперед на лето, то не препятствуй ему в этом». «Что Константин? Я давно не имею о нем известий — здоров ли? Мне часто приходит в голову, что необходимо бы в Грешневе выстроить хоть небольшой домишко, подумай-ка об этом» [50].

Отец помогал Константину Алексеевичу скупо, неохотно, всякий раз унижая его человеческое достоинство. В письме к Николаю Алексеевичу он спрашивает с иронией: «...подумай, что нам делать с нашим чудаком, которой живет теперь с женою на квартире, почти без куска хлеба...» [51]

Константин Алексеевич писал стихи, которые публиковались в «Ярославских губернских ведомостях». Стихи эти явно автобиографичны:

Теснота, жена больная,
Нищеты запас —
Словно язва моровая
В хуторе у нас.
На углу живет богатый
Набожный старик.
У его красивой хаты
Слышен чей-то крик.—

писал Константин Некрасов в стихотворении «Странница» в 1858 г.[52].

Это лицемерно набожный отец Некрасова выгоняет заблудившуюся в метель нищую, осмелившуюся попроситься к нему на ночлег. Факт, очевидно, придуман, но автору важно было дать обобщенный образ отца.

В семидесятых годах Константин Некрасов переезжает в Карабиху. Николай Алексеевич распорядился выстроить для него небольшой, но уютный флигелек, который тогда называли «зеленый домик». В нем Константин Алексеевич жил до самой своей кончины.

«РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ»

Лето 1871 года. Некрасов пишет в Карабихе поэму «Русские женщины». 16 июля он вывел последние строки первой части поэмы «Княгиня Трубецкая». В этих заключительных строках иркутский генерал-губернатор, сам не выдержавший нравственных пыток, которым подверг княгиню Екатерину Ивановну Трубецкую, препятствуя ее проезду в ссылку к мужу, восклицает, потрясенный непреклонной волей жены декабриста:

Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ

Преграды ставить вам!
. . . .
Острожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать,
Не испугались вы!

В основу поэмы легли декабрьские события на Сенатской площади и их последствия: в 1826 году был вынесен приговор, по которому многих декабристов ссылали на сибирскую каторгу. Жены декабристов отправились следом: Е. И. Трубецкая, Е. П. Нарышкина, М. Н. Волконская, А. Г. Муравьева... Царь распорядился и на их счет: они были официально объявлены «женами государственных преступников» и по специальному положению становились женами ссыльно-каторжных. Дети же их, рожденные на каторге, объявлялись казенными крестьянами.

Мужественные женщины оказались достойными своих мужей-декабристов. Вслед за ними они совершили нравственный подвиг: отказавшись от всех гражданских прав, богатства, блестящего положения в обществе, на всю жизнь уехали в Сибирский острог. Так выразили они протест Николаю I.

Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь...
. . . .
Прости и ты, мой край родной,

Верхний пруд в парке

Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
Гнездо царей... прощай! —

восклицает княгиня Трубецкая перед дальней дорогой.

Некрасов часто охотился с сыном Марии Николаевны Волконской Михаилом Сергеевичем. Они были друзьями. Написав «Княгиню Трубецкую», поэт попросил Волконского прочесть ее и дать свой отзыв. М. С. Волконский ответил, что находится с семьей Трубецких в близкой дружбе и потому просит Некрасова непременно учесть все замечания, которые он сделает по поэме, иначе Трубецкие, узнав о том, что он читал поэму, будут укорять его в случае, если найдут в ней неприятные для семьи места. Некрасов действительно учел значительную часть замечаний М. С. Волконского [53].

Екатерина Ивановна Трубецкая была женой руководителя декабрьского восстания 1825 года Сергея Петровича Трубецкого, сначала приговоренного к смертной казни, позже, после отмены смертного приговора, сосланного, как и многие другие декабристы, на пожизненную каторгу в Нерчинские рудники. Княгиня была в то время еще совсем молодой. Но именно она проложила дорогу в Сибирь сначала княгине М. Н. Волконской, а затем и другим женам декабристов.

Федор Михайлович Достоевский встретил этих самоотверженных женщин в Тобольске: «Мы увидели

великих страдалиц, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь... Ни в чем неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли все, что перенесли их осужденные мужья» [54].

Некрасов рассказал в поэме, как расправлялись с восставшими на площади, как жены их, преодолевая все препятствия, шли в Сибирь, догоняя на своем пути новые партии ссыльных. Строки, в которых описывается встреча княгини Трубецкой с партией этапных — потрясающая душу и сердце картина:

Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандальный звон!
. . . .
То ссыльных партия идет,
Больней заныла грудь.
. . . .
И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей...

Вторая часть поэмы посвящена жене декабриста Сергея Григорьевича Волконского, княгине Марии Николаевне. «Княгиня М. Н. Волконская» была написана в Карабихе годом позже — в 1872-м.

В основу поэмы легли записки княгини Марии Николаевны Волконской сугубо семейного характера. Михаил Сергеевич долго и упорно не соглашался показать поэту эти «записки». Наконец, Некрасов убедил его, и Волконский согласился.

Они читали заветную рукопись три вечера. Волконский переводил с французского на русский, а Некрасов записывал для себя отрывки. Во время чтения Николай Алексеевич часто вскакивал, вскрикивал: «Довольно, не могу!»,— бежал к камину, надолго садился к нему и, схватясь руками за голову, плакал, как ребенок [55].

Мария Николаевна была дочерью героя Отечественной войны 1812 года генерала Раевского и женой героя Отечественной войны 1812 года Сергея Григорьевича Волконского, который в свои 25 лет был уже генералом.

С. Г. Волконский — член Союза Благоденствия и участник Южного тайного общества. Известно, что император Александр I, кое-что разузнав об этой его деятельности, на одном из смотров резко отчитал Волконского: «Занимайтесь полком, а не управлением моей империи...» [56]

Путь княгини М. Н. Волконской был не легче пути Е. И. Трубецкой. Но все же ей удалось благополучно добраться до Нерчинского рудника. Смотритель, рискуя навлечь на себя гнев строгого начальства, помог ей пройти в шахту. Там и произошла ее встреча с мужем:

Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!

Невольно пред ним я склонила
Колени,— и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

Поэма «Княгиня М. Н. Волконская» имела огромный успех, хотя она так же, как и «Княгиня Трубецкая», была жестоко изуродована цензурой. Героини Некрасова оказались образами, духовно близкими поколению разночинной интеллигенции 60—70 годов. «Героини его,— писал критик А. Скабичевский,— мыслят, говорят и действуют совершенно подобно тому, как бы стали мыслить, говорить и действовать лучшие и образованнейшие женщины того же круга в наше время. А между тем в поэмах представляется прошлое, отстоящее от нашего времени на целое полстолетие» [57].

Образы героических русских женщин, несмотря на то, что от нашего времени их отделяет уже не пятьдесят, а сто пятьдесят лет,— близки и понятны советским людям.

НЕТ УЖЕ СТАРОГО КЕДРА

Рос в Карабихском парке старый кедр с могучей, развесистой кроной. Под ним Некрасов любил почитать только что написанные стихи своим близким. Такие чтения были для него отдыхом и разрядкой после многих дней напряженной творческой работы. Поэт работал запоем, и в это время в Карабихе устанавливалась особая атмосфера: все затихало, и даже дети старались не шуметь. Мимо дверей кабинета домашние, боясь помешать, проходили на цыпочках.

О том, как работал Николай Алексеевич Некрасов, сохранились многочисленные воспоминания его друзей и родных.

А. Я. Панаева вспоминала: «Некрасов писал прозу, сидя за письменным столом и даже лежа на диване; стихи же он сочинял, большею частью, прохаживаясь по комнате, и вслух произносил их; когда он оканчивал все стихотворение, то записывал его на первом попавшемся под руку лоскутке бумаги.

Он делал мало поправок в своих стихах. Если он сочинял длинное стихотворение, то по целым часам ходил по комнате и все вслух однообразным голосом произносил стихи; для отдыха он ложился на диван, но не умолкал; потом снова вставал и продолжал ходить по комнате. Некрасов мог прочесть наизусть любое из своих стихотворений, когда бы то ни было сочиненных. Как бы оно ни было длинно, он не останавливался ни на одной строфе, точно читал по рукописи» [58].

По словам А. А. Буткевич, Некрасов писал «рецепты»,— то есть, написав на листке «нечто» недопустимое с точки зрения цензуры, обрезал его с двух сторон, оставляя лишь среднюю узкую полоску, которую никто не мог прочесть. Сам же поэт легко восстанавливал написанное [59].

Боборыкин, комментируя рукописи Некрасова, замечал: «Поэтические настроения подвергал он строгому контролю после того, как набрасывал на бумаге все то, что в первом порыве творчества лилось без удержу.— Из пятисот, из тысячи стихов,— говаривал он,— оставишь только сотню, остальное беспощадно похеришь» [60].

Сам Н. А. Некрасов рассказывал: «Мне случалось писать без отдыху более суток. Времени не замечаешь; никуда ни ногой, огни горят, не знаешь, день ли, ночь ли, приляжешь на час, другой и опять за то же» [61].

Кабинет его находился в двухэтажном каменном, с балконом, флигеле, на втором этаже. Но Некрасов обычно работал не в кабинете, а в зале — большой, белой, с тяжелыми темными портьерами комнате. Эта зала с мраморным камином, двумя турецкими диванами, чучелами птиц и конторкой у стены выглядела как-то по-особому уютно. Казалось бы пять окон и балконная дверь должны были сделать эту комнату в летние месяцы светлой и жаркой. Но от жары спасали деревья: они охлаждали полуденный зной, стелили на стены и потолок зеленоватые тени. Именно здесь, в этой комнате, Некрасов запирался в полном уединении.

За окнами шумел парк, пели птицы, играли дети, но поэт ничего не замечал, увлеченный работой. Наконец, уединение кончалось, и Некрасов выходил из дому, шел в парк, спускался мимо зеленых лужаек вниз к пруду. Он встречался, как бы случайно, с братом Федором, и уже вдвоем они направлялись к Которосли. Здесь братья, сидя на крутом берегу, подолгу любовались окрестностями.

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина.

Скамейка в парке

Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

Потом он шел на лужайку под свой кедр. Здесь его уже ждали. На разостланном ковре сидели гости и все домашние. Поэт подходил, гости умолкали. И он начинал читать...

Вот как запечатлела в памяти одну из таких встреч под кедром жена Федора Алексеевича Наталья Павловна Некрасова: «Однажды, после нескольких дней интенсивной работы, Николай Алексеевич пришел к брату и сказал: «Пойдем в парк, под кедр, я буду вам читать «Русские женщины», я написал конец». Мы пошли, и поэт своим, немного глухим голосом, прочел всю поэму. Мы слушали с затаенным дыханием и не могли удержаться от слез. Когда он кончил и взглянул на своих слушателей, то по их взволнованным лицам и влажным глазам понял, какое сильное впечатление произвело на всех его произведение, и был счастлив» [62].

Старый кедр дожил почти до наших дней. Лишь перед самой войной в него ударила молния и кедр погиб.

Шли годы. Ветер занес случайное семечко, и из пня старого кедра выросла стройная молодая березка.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

В 1946 году праздновалось 125-летие со дня рождения Н. А. Некрасова. В честь знаменательной даты советское правительство постановило создать в Карабихе музей-усадьбу поэта. Директором музея был назначен вернувшийся с фронта Анатолий Федорович Тарасов — выпускник Ленинградского университета.

Некрасовская усадьба в то время нуждалась в полном восстановлении, а уцелевшие здания — в капитальном ремонте и реставрации. Трудности по восстановлению усадьбы возникали на каждом шагу.

Когда начали реставрировать восточный флигель, встал вопрос, какими обоями были оклеены комнаты Некрасова в период 60—70-х годов. Обследовали все стены, но не нашли ни кусочка старых обоев. Стали перечитывать воспоминания современников, бывавших в гостях в Карабихе. Пересмотрели горы старых фотографий и рисунков. Поиски вела главный хранитель музея С. И. Великанова. Она припомнила описание комнат, которое сделала в свое время невестка поэта Наталья Павловна Некрасова.

По ее свидетельству, в зале обои были белые с золотом, в кабинете — серые, в зеленую полоску, в столовой — разделанные под дуб. Но каков именно рисунок обоев? О рисунке сведений не оказалось.

С. И. Великанова пересмотрела картины русских художников в музеях Ленинграда и Москвы, сделала множество зарисовок интерьеров гостиных и кабинетов, но необходимый рисунок не попадался.

Тогда она решила пересмотреть все образцы обоев 60—70-х годов прошлого века. В Управлении художественной промышленности ей на помощь пришел старейший знаток обоев Алексей Платонович Маркелов.

— Оклеивать квартиру Некрасова еще не приходилось,— добродушно пошутил старый мастер.— Но сделаю все, что в моих силах,— и выложил альбомы с образцами.

Отбор затянулся. Рисунки образцов сличали с набро-

Мемориальный флигель Н. А. Некрасова

сками, сделанными с картин художников, и наконец выбрали.

Возникла новая проблема: где, на какой фабрике изготовлялись эти обои? А. П. Маркелов стал искать справки по книгам. Он установил, что выбранные обои были сделаны на Московской обойной фабрике. Старый мастер обойного дела вручил главному хранителю Карабихского музея полоски выбранных образцов и пожелал дальнейшей удачи.

«Некрасовский заказ» на фабрике приняли с энтузиазмом. Тут же выбрали бумагу и колер нужных красок. Но, когда приступили к работе над обоями, оказалось, что некоторые старые валы были переданы Московской фабрикой на разрушенную во время войны обойную фабрику в Минск. Пришлось часть заказа передать туда.

Обе фабрики выполнили «Некрасовский заказ». К обоям, присланным из Минска, было приложено следующее письмо:

«Обойная фабрика имени Воровского. Минск. Директору музея Некрасова т. Тарасову.

Сообщаю, что сего числа по багажной квитанции № 625316 на станцию Ярославль Вам отправлено 60 кусков 12-метровых обоев по указанным в распоряжении образцам.

Считаю необходимым сообщить, что отправленные Вам обои... являются маленьким вкладом нашего кол-

лектива в восстановление Музея славного певца земли русской Н. А. Некрасова».

Форзац настоящей книги точно воспроизводит рисунок обоев в зале флигеля Некрасова.

Потом разыскивали экспонаты для музея — подлинные вещи Некрасова. У одного местного колхозника нашли литографию «Свадьба в Малороссии», которая висела когда-то в столовой поэта. Картину «Елизавета с арабчонком» обнаружили в областном краеведческом музее. Племянница Н. А. Некрасова Вера Федоровна Андреева-Некрасова и другие его родственники подарили музею посуду, столовое серебро и часть мебели.

Сложнее оказались поиски библиотеки поэта. До нас дошла лишь опись книг, принадлежавших Некрасову. Из Карабихи книги были вывезены в 1918—1919 годах. Сотрудникам музея удалось собрать много книг, аналогичных тем, которые были в библиотеке Некрасова, но подлинных книг Николая Алексеевича среди них не было. В конце концов было установлено, что книги Некрасова были переданы библиотеке Народного дома села Крест, а вот куда они девались после его ликвидации, пока неизвестно.

Правда, кое-какие следы пропавшей библиотеки нашлись, но следы эти чрезвычайно ненадежны. В конце 1968 года в ярославскую газету «Северный рабочий» пришло письмо, в котором сообщалось: «В 1930—1931 гг. в библиотеку Ярославского рабфака была привезена ли-

тература, в основном иностранных авторов, из какой-то усадьбы... Библиотекари эту литературу не приняли, так как среди книг не оказалось учебников. Долгое время литература лежала на полу, сваленная в груду».

Судя по описанию, книги были очень похожи на некрасовские, а время их поступления в библиотеку совпадает с ликвидацией Народного дома в селе Крест.

Совсем недавно обнаружилось, что одна из книг Некрасовской библиотеки была найдена старым ярославцем Дмитрием Ивановичем Лошадкиным. Это книга «Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов, изданных под редакцией Ник. Вас. Гербеля. Том второй. Издание второе. Санкт-Петербург. 1874». На книге, выцветшими от времени чернилами, написано: «Николаю Алексеевичу Некрасову на память от Николая Гербеля». В описи книг Некрасовской библиотеки, составленной племянницей поэта Верой Федоровной Андреевой-Некрасовой эта книга значится под номером семнадцать. Вот пока и все, что известно о некрасовской библиотеке.

НЕКРАСОВСКИЕ РУЖЬЯ

Чудом уцелевшие, видавшие виды, старые-престарые некрасовские ружья...

Критик Скабичевский рассказывал: «...Ни за что не догадался бы, что это квартира литератора, и к тому же певца народного горя. Скорее можно было подумать, что здесь обитает какой-то спортсмен, который весь ушел в охотничий промысел; во всех комнатах стояли огромные шкапы, в которых вместо книг красовались штуцера и винтовки; на шкапах вы видели чучела птиц и зверей. В приемной же комнате на видном месте между окнами стояла на задних лапах, опираясь на дубину,

громадная медведица с двумя медвежатами, и хозяин с гордостью указывал на нее, как на трофей одного из своих самых рискованных охотничьих подвигов»[63].

За этими старыми ружьями и охотничьими трофеями стоит Некрасов с его страстью бродяжничать по лесам и болотам, лугам и проселочным дорогам. Встречаясь с крестьянами, Некрасов слушал бесконечные истории о житье-бытье на Руси, о тяжелой доле русского мужика. Много было у него друзей, и к каждому из них он умел подойти по-особому, каждого умел заставить разговориться.

Вспоминает Кузьма Солнышков:

«Он был очень любопытен, всех обо всем расспросит и запишет в книжечку... Из рук не выпускал бумагу и карандаш.

Идем, а он все велит говорить про то и се, а сам молчит, слушает, потом опять начнет чиркать по книжечке.— «Что, мол, это?» — спросили его, он и молвил:

«Ты, милейший мой, побольше таких слов сказывай. Хорошие слова, брат, редки, как золото на земле»[64].

Ночевал он у знакомых крестьян и все слушал их да записывал... «Орина, мать солдатская» — реальная женщина, он не раз останавливался у этой женщины, пожилой крестьянки, и она «сама ему рассказывала свою ужасную жизнь,— свидетельствовала Анна Алексеевна Буткевич.— Он говорил, что несколько раз делал

Кабинет поэта в мемориальном флигеле

крюк, чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальшивить... Редкий раз не привозил он из своего странствия какого-либо запаса для своих произведений»[65].

Сколько этих охотничьих прогулок с ружьем и карандашом легло в поэму «Кому на Руси жить хорошо»! От кого, как не от охотников, узнавал поэт о всех происшествиях в русских деревнях? С помещиками встречался он редко, да если и встречался, не они же рассказывали ему о бедах русского мужика!

Охотничья страсть заводила Некрасова в самые глухие уголки России. Он прошел по земле Ярославской, Костромской, Владимирской, Новгородской... В стихах его то и дело мелькают названия деревень этих губерний.

Создавая карабихский музей, директор его А. Ф. Тарасов задался целью отыскать охотничьи ружья Некрасова. Он хорошо запомнил заданный кем-то из посетителей музея вопрос: целы ли те два ружья, рог и патронташ, что подарил Некрасов Николаю Андреевичу Осорину из деревни Макарово?

Один колхозник проводил Тарасова на конец деревни к одноэтажному, потемневшему от времени, обшитому тесом дому. Здесь жили потомки Осорина. Бодрый еще старик Николай Александрович Осорин сказал, что, по воспоминаниям деда, на том вон белом камне Некрасов любил посидеть, поговорить с ним о житье-бытье, что когда приезжал Николай Алек-

сеевич, все местные охотники радовались и собирались у дома Осориных, держали совет, куда пойти, а на зорьке отправлялись на охоту; что ружья, рог и патронташ Некрасов не то подарил деду, не то просто позабыл у него в последний приезд и что теперь их в доме уже нет, потому что в тридцатых годах одно ружье конфисковала милиция, другое было продано охотнику из соседней деревни. А рог и патронташ сгорели во время пожара.

Конфискованное ружье как в воду кануло. Но второе ружье отыскалось: охотник, спустя много лет, променял его на собаку колхознику Макееву из деревни Осиновцы.

А. Ф. Тарасов отправился в Осиновцы, и Сергей Иванович Макеев передал ему ружье — на хранение в Карабихский музей.

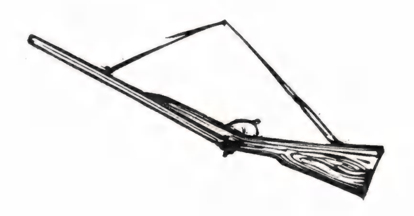
Ружье оказалось двуствольным, с центральным боем. Специалисты заключили, что оно бельгийской марки и выпущено не позже 1860 года.

Так некрасовский музей в Карабихе пополнился еще одной подлинной вещью поэта.

К сожалению, некоторые вещи, по многим свидетельствам, принадлежавшие Н. А. Некрасову, до сих пор не переданы в Карабиху или в Ленинградский музей. Так, например, по свидетельству племянника поэта Александра Федоровича Некрасова, Николай Алексеевич заказал художнику Н. Г. Сверчкову две картины, изображавшие головы рысаков. После смерти Некрасова эти

картины висели в кабинете его брата Федора Алексеевича, затем они были увезены Александром Федоровичем в Петербург. В начале 20-х годов картины пропали. Недавно они вновь нашлись. Картины висят в «Музее Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства» в Москве. В одном из залов этого же музея находится и бронзовая скульптура Лансере «Авдотья Яковлевна Панаева верхом на рысаке». В других музеях, по мнению специалистов, также имеются личные вещи поэта. Портфель Н. А. Некрасова был обнаружен в запасниках Новгородского краеведческого музея, мраморный бюст Белинского с письменного стола Николая Алексеевича в его квартире на Литейном проспекте находится в Калининском музее.

К счастью, и музей-усадьба Н. А. Некрасова в Карабихе и музей-квартира в Ленинграде нет-нет да и пополнятся подлинными вещами поэта.

ПЕТЕРБУРГ И ЧУДОВСКАЯ ЛУКА

Я лиру посвятил народу своему,
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я
спокоен...

«Элегия»

Некрасов прожил в Петербурге почти сорок лет. Немало углов в старых домах на окраинах Петербурга сменил Николай Алексеевич. В 1857 году он поселился в доме Краевского на углу Литейной и Бассейной улиц (ныне Литейный проспект, № 36), где и прожил до конца жизни. Здесь же помещалась редакция издаваемого Некрасовым журнала «Современник», а позднее, после его закрытия, «Отечественных записок».

В 1946 году, в 125-летний юбилей со дня рождения поэта здесь был организован музей-квартира Н. А. Некрасова.

В последние годы жизни Некрасов часто хворал и выезжать в Карабиху ему было трудно. В 1871 году он приобрел небольшую охотничью дачу в местечке Чудовская Лука Новгородской губернии.

Здесь написаны «Уныние», «Горе старого Наума», «Элегии», «Пророк», «Ночлеги», «Отъезжающему».

После смерти Некрасова его сестра Анна Алексеевна Буткевич в память о брате выстроила в Чудовской Луке школу для крестьянских детей.

Домик Н. А. Некрасова в Чудове сейчас восстановлен. В нем открыта детская библиотека и филиал музея поэта.

«ВЫ ПОЭТ — И ПОЭТ ИСТИННЫЙ»

Самый счастливый день в литературной судьбе Некрасова был в Петербурге, в 1845 году.

Но перед тем прошли годы нищеты, голода, черной литературной поденщины.

Он приехал в Петербург без средств к существованию. Ему пришлось делать все: писать прошения и письма для крестьян на Сенном рынке — за пятачок или кусок хлеба, переделывать французские водевили и сочинять статейки для газет и журналов, получая за них самую мизерную плату. Сам он тогда писал подражательные романтические стихи.

1840-й год. Некрасов издает первый свой стихотворный сборник «Мечты и звуки», подписанный инициалами «Н. Н.». Эту книгу Белинский подверг резкой критике.

Проходит еще пять трудных лет, и Некрасов, набравшись духу, несет на суд великому критику свое стихотворение «В дороге». Не думал он, что это стихотворение счастливо повернет всю его дальнейшую поэтическую судьбу.

Он шел к Белинскому со страхом. Вспоминают, что когда он начал читать «В дороге», голос его звучал так слабо, что был еле слышен. Да и сам он, сконфуженный, робкий, вызывал сочувствие и жалость.

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!..» —

начал он, сильно прижимая локти к бокам и горбясь.

«...Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!..»

Белинский слушал внимательно.

«...Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...»

Дом у Аничкова моста, где жил В. Г. Белинский

Некрасов на секунду умолк, глубоко вздохнул и глухо проговорил:

— «Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..»

«У Белинского засверкали глаза,— вспоминает свидетель этой сцены Иван Иванович Панаев,— он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами на глазах:

— Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?» [66]

Так он входил в великую русскую литературу. Думал ли он когда-то, что бесхитростный рассказ ямщика о горькой доле крестьянской девочки Грушеньки, вырастет впоследствии, под его пером, в обличительное произведение потрясающей революционной силы?

Время, опыт, жизнь подтвердили высказанную им Тургеневу мысль: «У всякого писателя есть своя своеобразность; у меня — реальность.

...Каждый писатель передает то, что он глубоко прочувствовал...» [67]

Белинский написал в рецензии на «Петербургский сборник», в котором были опубликованы стихотворения Некрасова: «Они проникнуты мыслию; это — не стишки к деве и луне; в них много умного, *дельного* и современного. Вот лучшее из них — „В дороге“...» [68]

В Петербурге началась их дружба. А спустя десять

лет Некрасов посвятил Белинскому одно из лучших своих творений — поэму «В. Г. Белинский».

В поэме рассказана вся суровая, полная лишений и страданий, полная борьбы жизнь неистового критика. И как укор — напоминание оставшимся в живых друзьям Белинского — звучат беспощадные по своей правдивости заключительные строки поэмы:

Поэт умолк. А через день
Скончался он. Друзья сложились
И над усопшим согласились
Поставить памятник, но лень
Исполнить помешала вскоре
Благое дело, а потом
Могила заросла кругом:
Не сыщешь... Не велико горе!
Живой печется о живом,
А мертвый спи глубоким сном...

Белинский оказал огромное влияние на мировоззрение и творчество Некрасова. Достоевский, вспоминая о знакомстве Некрасова с великим критиком, писал: «...Белинский его угадал с самого начала и, может быть, сильно повлиял на настроение его поэзии. Несмотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лет их, между ними наверно уж и тогда бывали такие минуты, и уже сказаны были такие слова, которые влияют навек и связывают неразрывно» [69].

 Заказ 3996

НОЖНИЦЫ ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

Редактируя журнал «Современник», Некрасов постоянно сталкивался с цензурой. Бывали случаи, когда не отдельная статья или стихотворение, а целый номер журнала подвергался цензурному запрету. Но постепенно Некрасов научился обходить цензурные рогатки. Им была выработана особая система работы с цензорами. Обычно Некрасов приходил вместе с Панаевым и, пока цензор читал верстку, они развлекали его всевозможными разговорами. Затем появлялся Чернышевский и начинал просить поскорее прочитать и подписать

корректуру. Он даже останавливал Панаева, прося не мешать, но внимание у цензора рассеивалось, и он невольно пропускал много такого, что непременно вычеркнул бы при других обстоятельствах.

Когда у Некрасова спрашивали, как он умудряется так ловко обводить цензоров, Николай Алексеевич отвечал:

— Да как же с ними! На каждого зверя особая ведь уловка должна быть... [70]

Для работников цензурного комитета Некрасов устраивал роскошные обеды, а иногда попросту давал взятки. В недавно найденном архиве В. М. Лазаревского, бывшего членом Совета главного управления по делам печати, имеется любопытная запись в дневнике:

«21 декабря 1869 г. Сегодня Некрасов сообщил мне чрезвычайно любопытные сведения о Турунове (работал в 3-м отделении). Оказывается, что Некрасов дал ему денег на поездку летом за границу.

— То есть занял? — спрашиваю я.

— Какое занял! Просто дал 1500 рублей. Но вчера,— продолжал он,— представьте эдакое свинство: он опять просит 1500 рублей.

Турунов порядочная скотина, но все-таки я не думал, что Некрасов просто платит ему, чтобы быть спокойным от 3-го отделения и от цензуры» [71].

Писатель Сергей Николаевич Терпигорьев, племянник цензора «Современника» Ф. Рахманинова, вспоми-

нает о своем знакомстве с Некрасовым. Дядя поручил ему отвезти письмо, в котором он благодарил Николая Алексеевича за присылку экземпляра его сочинений с дарственной надписью.

«...Некрасов в это время жил уж на той же самой квартире, на углу Литейной и Бассейной, в доме Краевского, где он и умер потом,— пишет Терпигорьев.— Я знал этот адрес, и не один раз, проходя или проезжая по Литейной, всматривался в окна квартиры, не увижу ли человека, которого обожал за его стихотворения и за которого, как говорится, душу бы всю отдал.

В передней у Некрасова меня встретил его егерь, в охотничьей одежде с зелеными обшивками, и штук пять роскошнейших собак пойнтеров; все они окружили меня, обнюхивали и ласкались...

— Дома Николай Алексеевич? — спросил я.

Егерь крикнул кого-то, вошел совершенно провинциального вида лакей, такой, как у нас был в Тамбове, и с серьезным видом спросил:

— Вам что угодно?

— От цензора Рахманинова.

— Пожалуйте,— сухо сказал он и указал мне на дверь налево от входа.

Я вошел вместе с собаками в довольно большую комнату с бильярдом посредине, с чучелами медведей по углам и с гравюрами, изображавшими оленей и лосей, развешанными в массивных рамках по стенам. Собаки

Первая редакция «Современника» на Фонтанке

прыгали, ласкались, вообще встречали и продолжали занимать меня чрезвычайно радушно и гостеприимно. Я занялся ими и не заметил, как в дверях показалась фигура Некрасова в туфлях, халате и ермолке. Он был болезненно бледен, хмур и суров.

За ним стоял лакей. Некрасов полуобернулся к нему, и лакей, указывая на меня головой, сказал:

— Вот они-с.

Я приблизился и подал письмо. Некрасов торопливо, нервно распечатал его и стал читать. Я в это время рассматривал его исхудалое, пожелтевшее лицо, реденькую бородку и усы. Вдруг на губах у него показалась едва заметная, но ядовито-злая улыбка, и он, опуская письмо, перевел на меня иронически благодушно улыбавшиеся глаза. Я невольно тоже улыбнулся.

— Я очень рад,— глухим голосом и, по обыкновению, берясь одной рукой за бородку, начал Некрасов,— что я доставил Федору Ивановичу удовольствие. Пожалуйста, передайте ему мой поклон. Я бы сам к нему заехал, да вот совсем больной... Простудился на охоте, должно быть... Да! — вдруг сказал он, точно вспомнив что.— Закусить не хотите ли? Рюмку водки: адмиральский час ведь теперь... Василий!..

Вошел тот же человек его.

— Собери-ка нам чего-нибудь, что там есть... Пожалуйста, вот сюда,— продолжал Некрасов, беря меня рукой слегка за талию.

Мы вошли в следующую комнату, с богатыми турецкими диванами по стенам, огромным круглым столом, покрытым тяжелой дорогой скатертью.

— А вы никогда не говорите, что от цензора приехали,— начал Некрасов, уже весело улыбаясь, когда мы уселись,— вы этим пугаете...

— Он такой ваш поклонник,— сказал я.

— Да и я и все мы очень любим Федора Ивановича... Только страшно все-таки бывает! Ведь вот Фингал! — крикнул он на собаку; Фингал подбежал.— Ведь вот Фингал пес, а дашь ему плетку — несет, бережно, с любовью, а ведь тоже боится ее; скажешь: а где плетка? — слово только услышит «плетка», не знает еще, что с ним хотят делать, а уже боится, сейчас видно это. Так и мы. Шутите вы, в нашем деле — цензор! Да мы так генерал-губернатора не боимся, министров так не боимся, как цензора; царя он страшнее!» [72]

С цензурой Некрасов воевал всю жизнь. Тяжело больной поэт жаловался доктору Н. А. Белоголовому: «Вот оно, наше ремесло литератора! Когда я начал свою литературную деятельность и написал первую свою вещь, то тотчас же встретился с ножницами; прошло с тех пор 37 лет и вот, я, умирая, пишу свое последнее произведение и опять-таки сталкиваюсь с теми же ножницами!» [73]

СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

Был у Некрасова любимый уголок на новгородской земле, куда он приезжал отдыхать от журнальных дел и цензурных мытарств. Это охотничья дача, расположенная неподалеку от железнодорожной станции Чудова, в 3—4 часах езды от Петербурга. Небольшое именье Чудовская Лука Некрасов приобрел в 1871 году у помещиков Владимировых. Здесь среди старого сада стоял двухэтажный деревянный дом, а рядом протекала светлая и холодная речка Keресть, в которой Некрасов любил купаться.

В Чудовскую Луку Николай Алексеевич обычно приезжал со своей женой Зинаидой Николаевной. На-

стоящее ее имя было Фекла Анисимовна Викторова. Некрасов называл ее более благозвучно — Зина. Это была скромная молодая женщина, веселая и жизнерадостная.

Сама Зинаида Николаевна, вспоминая о тех временах, говорила: «...Молода, неразвита была в то время, многого не понимала, особенно того, что касалось литературной деятельности мужа...» [74]

Окрестности Чудова издавна славились великолепной охотой. Еще до покупки Чудовской Луки поэт привозил отсюда богатые охотничьи трофеи. Это о чудовской охоте Некрасов писал в стихотворении «Уныние»:

Когда Кадо бежит опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнет,
На всем скаку остановив Черкеса,
Спущу курок — и птица упадет.

Летом 1869 года Некрасов, находясь на лечении за границей, получил письмо от В. М. Лазаревского, чиновника цензурного комитета, с которым он часто охотился в этих местах. «Был я недавно со своим доктором в Чудове... Птицы пропасть... в будущем лете Чудово должно представить в некотором смысле действительный садок тетеревиный» [75].

Здесь, в Чудовской Луке погибла любимая собака Некрасова Кадо.

Об этом случае сохранился рассказ кучера, который служил в ту пору у Некрасова. Николай Алексеевич

часто приезжал в Чудово на охоту с Зинаидой Николаевной. «Она ведь тоже охотница была: в мужском платье верхом на лошади на охоту ездила. Наденет это рейтфрак, брюки в обтяжку, как рейтузы гусарские... волосы под шляпу подберет — и узнать нельзя, что женский пол... Николай Алексеевич до страсти любил ее в этом костюме. Вот раз, дело было летом, приезжают они в Чудово, и только позавтракали, сейчас чтобы на охоту собираться. Подали им верховых лошадей. Выходят они на крыльцо, а любимая собака Николая Алексеевича, Альфа (рассказчик по ошибке назвал собаку чужим именем, настоящее ее имя Кадо.— *Н. Н.*) — чуть с ног не сбивает и Николая Алексеевича, и Зинаиду Николаевну... Сели они это на лошадей... Зинаида Николаевна чуть не с места в галоп свою лошадь подняла; Николай Алексеевич, согнувшись, за ней еле поспевает. Я за ними, с ружьями и припасами, в американке, следом еду; слышу, смеются оба, веселые, довольные... Только приехали мы к первому болоту, Зинаида Николаевна скорей с коня, да ко мне за ружьем и за патронами... и бегом на ту сторону болота, крикнула только: «Сейчас назад!»,— и пропала в лозняке. Говорила она после, что ей показалось, будто там две утки вспорхнули и опять на прежнее место опустились. Альфа повертелась возле Николая Алексеевича, повизжала, хвостом повиляла, но как увидала, что Николай Алексеевич на скамеечку возле сторожки присел, да, по своему обык-

Охотничья дача поэта в Чудовской Луке

новению, со мной и с другим охотником в беседу вступил, то она сначала ползком, а потом шажком, а потом во весь собачий карьер марш-маршем за Зинаидой Николаевной. И до того собака умная была, что пока шагом шла, все оборачивалась, на Николая Алексеевича посматривала, дескать, позови, я останусь, но он и вида не подал, что ее штуки наблюдает. И только, когда она улепетнула, сказал: «Изменница!» Разговорились мы с Николаем Алексеевичем... вдруг, слышим, выстрел, а вслед за ним неестественный крик Зинаиды Николаевны, и доносится пронзительный вой Альфы. Мы все точно приросли к своим местам, а Николай Алексеевич побелел, как полотно, но тоже молчит и прислушивается. За первым криком Зинаиды Николаевны воспоследовал другой, еще громогласней. Альфа воет без передышки.

— Что вы стоите? Бегите! Несите ее! Она себя, наверно, подстрелила!

...Охотник Семен, который бегал к Зинаиде Николаевне, назад прибежал и доложил, что с Зинаидой Николаевной, благодаренье богу, все благополучно, но по нечаянности ими застрелена собака Альфа: заряд утиной дроби в живот угодил. Собака издыхает, а Зинаида Николаевна не знает, что над ней делать, платком носовым рану зажала и кричит благим матом... Как только Николай Алексеевич услыхал об этом,— откуда силы взялись, как мальчик, бросился на ту сторону болота, так что мы за ними еле поспевали. Бежит он

по слуху на крики ...все платье себе в лозняке изодрал, руки, лицо исцарапал, однако, добежал... Зинаида Николаевна на берегу сидит, Альфа у нее на коленях. Белые лосины ее все в крови перепачканы. Альфа чуть дышит, однако еще взвывает. Как только увидел Николай Алексеевич свою Альфу, к ней бросился, как к человеку, за морду схватил, в глаза ей смотрит... Зинаида Николаевна к нему бросилась утешать: прощенья просит, умоляет... Между тем, он ничего не слышит... ...слезы по лицу ручьями катятся... Воззрился на Зинаиду Николаевну, за плечо ее потряс, чтобы она причитать перестала, и говорит ей таким голосом:

— Что ты плачешь, о чем убиваешься, в чем прощенья просишь?.. Эту собаку ты нечаянно убила, а каждый день где-нибудь на свете людей нарочно убивают. Нисколько на тебя не сержусь, но дай свободу тоске моей, я сегодня лучшего друга лишился.

С этими словами он встал, нам приказал собаку привезти на дачу и там в садике зарыть ее в землю, сел в американку с Зинаидой Николаевной и с первым же поездом они уехали в Петербург. Собаку зарыли в палисаднике и над ее, скажем, могилой Николай Алексеевич монумент воздвиг... Больше Николай Алексеевич в Чудово не приезжали. Охота была закрыта, а я попал к ним в кучера».

На могиле собаки глубоко вросшая в землю темно-серая гранитная плита. На ней вырезана надпись:

Кадо,
Черный понтер,
Был превосходен на охоте,
Незаменимый друг дома.
Родился 15 июля 1868 г., убит
случайно на охоте 2 мая 1875 г. [76]

Во время Великой Отечественной войны гитлеровцы уничтожили почти все деревья вокруг дома Н. А. Некрасова в Чудове. Сам дом, к счастью, уцелел, но плита с могилы Кадо пропала. Правда, в начале шестидесятых годов, учителю местной школы Ивану Кузьмичу Мальцеву удалось ее разыскать. Мальцев вместе со своими учениками отчистил плиту от грязи и привел в порядок. Они сделали специальный постамент, на котором и установили свою находку.

ДОКТОР

Егерь Мироныч уже был однажды у Некрасова. Вспоминая, как его приняли, он приободрился. Войдя со двора в знакомый подъезд, старательно вытер сапоги о каменные плиты, чтобы не наследить в комнатах, отряхнул армяк и легонечко постучал.

Постучал и напугался. А что если шибко рано пришел? Еще почивают, небось, хозяева-то? В Питере поздно встают. А он заявится ни свет, ни заря, переполошит всех.

Но ему тут же открыли, будто ждали. Прислуга Феклуша всплеснула руками:

— Проходи, проходи, Мироныч!

Припала к его плечу и затряслась от рыданий.

— Чего ты? Никак стряслось что? — испугался Мироныч. На сердце у него похолодело, мешок с дичью выпал из рук. Он сбросил армяк, отстранил Феклушу и торопливо шагнул в комнату.

Там всюду видны были чучела птиц, а возле окна стояла на задних лапах громадная медведица с двумя медвежатами.

И больше, чем слезы Феклуши напугал Мироныча этот дикий лесной зверь, шерсть которого потускнела от пыли. И стояла-то медведица наклонившись, вот-вот упадет прямо на своих медвежат. Кто-то, видимо, задел ее второпях, стронул с места, а чтобы поправить, поставить зверя, как надо, до этого руки не дошли. Уж не замечают здесь ни птиц, ни зверей. Что же это с хозяином?..

Торопясь, Мироныч стал развязывать свой мешок.

В комнату вошла Зинаида Николаевна.

— Ах, боже мой,— сказала она нетерпеливо.— Кто это? Что вам здесь надо? Я думала, доктор пришел...

Но тут же она узнала Мироныча. Лицо ее подобрело. В запавших измученных глазах отразилась растерянность.

— Вот уж, право, не знаю. Он очень плох. На пользу ли ему это будет?

— Подносик, пожалуйста! — строго, деловито попросил Мироныч, беря себя в руки и стараясь не смотреть в глаза убитой горем женщины.

Музей-квартира Н. А. Некрасова на Литейном

Феклуша принесла тяжелый поднос кованой меди. Мироныч выложил на него двух диких уток, вальдшнепа, куропатку и пяток рябчиков.

— Уж не знаю, хорошо ли это? — снова забеспокоилась Зинаида Николаевна.— Не охотиться ему уже больше...

— А ты не каркай, Николаевна! — сурово оборвал ее Мироныч.— Бог даст, все образуется. Это радость для него! — Он огладил перышки на куропатке.

— Доктора мы ждем,— нерешительно продолжала Зинаида Николаевна и положила тонкую руку на плечо Мироныча.

Егерь опустил голову. Поднос в его руке дрогнул.

— Нет-нет,— поспешно сказала Зинаида Николаевна.— Не уходите. Но лучше вам подождать.

— Кто там? — послышался из-за двери слабый голос.— Зина, проведи его ко мне.

— Это не доктор,— сказала Зинаида Николаевна.

— Нет, доктор. Пусть войдет! — снова послышалось из-за двери.

Николай Алексеевич полулежал в глубоком кресле, укрытый до пояса пледом. На коленях его покоилась толстая тетрадь, в которую он перед тем что-то записывал. Бородка его поредела, щеки бледные, ввалились, глаза горят.

— Не ждал, не ждал,— радостно воскликнул он, протягивая к Миронычу руки и роняя на пол тетрадь.—

Вот он — самый главный мой доктор! — А при виде дичи на блюде горько вздохнул: — Поохотились мы с тобой, Мироныч! Все! Уплыла моя сила...

— Вот видите,— сказала Зинаида Николаевна и выбежала из комнаты.

Чувствуя стеснение в груди и не зная, как ступить, куда деть глаза и руки с подносом, Мироныч стал говорить, что на все божья воля, но только они еще поохотятся и на дупелей, и на вальдшнепов.

— Эх, Мироныч, Мироныч,— горестно сказал больной и медленно, с трудом и болью приподнял безжизненно опущенную голову утки.— Мы убиваем даже тех, кого любим, без кого жить не можем. Отчего это так бывает на свете, а? Подумай, брат! Хорошо ли это?

Мироныч посмотрел в дорогое ему лицо, которое привык видеть и оживленным, и суровым, и гневным. Сейчас в этом лице была безнадежность и боль. Поднос перестал дрожать в руках старого егеря.

— Николай Алексеевич, человек — он всему хозяин. И покуда жив человек, должон он душе своей простор давать. Ежели супротив этого идти — задохнется душа. А птица, она что,— егерь тряхнул подносом,— она, Николай Алексеевич, каждый год обновляется...

— Вот видишь,— сказал больной, откидываясь на подушку, и слабо улыбаясь бледными губами, и редкая бородка его мелко-мелко задрожала.— Тебе ничего не

надо объяснять. С тобой легко. Ты все понимаешь.— Щеки его порозовели.

...Идя по Невскому к чугунке, Мироныч все качал головой, вспоминая, как растерялась хозяйка, увидев дичь, и как больной Николай Алексеевич принял его за доктора и велел немедля допустить до себя. И, думая так, Мироныч радостно усмехался: «Нет, не помрет он, никак не помрет. Мы с ним еще поохотимся!»

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихи цитируются по изданию: Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений в трех томах. Ленинград, «Советский писатель», 1967.

Все материалы цитируются, в основном, с соблюдением орфографии подлинника. Сокращенные слова заменены полными.

1. Литературное наследство, т. 49—50. М., АН СССР, 1946, стр. 178.

2. Там же, стр. 139.

3. Н. Ашукин. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 20.

4. Литературное наследство, т. 49—50, стр. 176.

5. Там же, стр. 179.

6. Там же, стр. 176.

7. Сб. «Звенья», III—IV. М.—Л., «Academia», 1934, стр. 659.

8. «Северный рабочий», 1946, № 185.

9. Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах. Л., «Academia», 1930, стр. 539.

10. Ф. Достоевский. Дневник писателя, 1877, № 12.

11. А. Тарасов. Новые архивные материалы о семье Некрасовых. Сб. «О Некрасове. Статьи и материалы», вып. II. Ярославль, 1968, стр. 269.

12. Литературное наследство, т. 49—59, стр. 143.

13. Там же, стр. 140.

14. Там же, стр. 143.

15. В. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. Т. 1. М.—Л., ГИХЛ, стр. 113.

16. В. Евгеньев. Николай Алексеевич Некрасов. М., 1914. стр. 70—71.

17. Там же, стр. 74.

18. Там же, стр. 65—66.

19. Там же, стр. 66—67.

20. Там же, стр. 68—69.

21. Там же, стр. 69—70.

22. А. Панаева. Воспоминания. М., ГИХЛ, 1956, стр. 351—352.

23. Н. Некрасов. Собр. соч. в 12 томах. Т. 10. М., ГИХЛ, 1952, стр. 223.

24. В. Фигнер. Запечатленный труд. Т. 1. М., 1964, стр. 92.

25. Некрасовский сборник. Т. 1. М.—Л., АН СССР, 1951, стр. 193.

26. В. Евгеньев. Николай Алексеевич Некрасов, стр. 69.

27. К. Чернова. Некрасов в Ярославле. Сб. «Николай Алексеевич Некрасов и Ярославский край». Ярославль, 1953, стр. 114—115.

28. Там же, стр. 116.

29. Н. Некрасов. Собр. соч. т. 10, стр. 477.

30. «Северный край», 1902, № 340.

31. К. Чернова. Некрасов в Ярославле, стр. 115.

32. Н. Некрасов. Собр. соч. Т. 10, стр. 19.

33. Там же, стр. 20.

34. Там же, стр. 21, 23.

35. Там же, стр. 27—28.

36. М. Пришвин. Собр. соч. Т. 3. М.. ГИХЛ 1956, стр. 321.

37. И. Твердохлеб. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., АН СССР, 1954, стр. 86.

38. Евгеньев-Максимов. Некрасов — певец русского севера. Ярославль, 1921, стр. 10.

39. «Костромской листок», 1902, № 140.

40. А. Попов. Костромская основа в сюжете «Коробейников» Н. А. Некрасова. «Альманах» (литературно-художественный и краеведческий сборник Ярославской области). М.— Ярославль, 1941, стр. 195—196.

41. Там же, стр. 196.

42. Н. Некрасов. Собр. соч. Т. 10, стр. 449—450.

43. Записная книжка Н. П. Некрасовой, находится в личном архиве автора.

44. Н. П. Некрасова. Мои воспоминания. Сб. «Некрасов, к 50-летию со дня смерти», «Прибой», 1928, стр. 10.

45. Там же, стр. 11—12.

46. Н. Некрасов. Собр. соч. Т. 11, стр. 330.

47. Н. П. Некрасова. Мои воспоминания, стр. 19—20.

48. Архив села Карабиха. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. М., 1916, стр. 58—59.

49. Там же, стр. 58—61.

50. Там же, стр. 8, 11, 15.

51. Там же, стр. 45.

52. «Ярославские губернские ведомости». 1859, № 22.

53. М. С. Волконский. Предисловие к «Запискам М. Н. Волконской». СПб., 1904, стр. 13.

54. Ф. Достоевский. Полн. собр. худ. произведений. М.—Л., 1929, т. 2, стр. 10.

55. М. С. Волконский. Предисловие к «Запискам М. Н. Волконской», стр. 13—14.

56. А. Гессен. Во глубине сибирских руд. М., «Детгиз», 1969, стр. 132.

57. «Отечественные записки», 1877, № 3, стр. 10.

58. А. Панаева. Воспоминания, стр. 200.

59. Литературное наследство, т. 49—50, стр. 178.

60. Некрасов в воспоминаниях и документах, стр. 506.

61. Там же, стр. 169.

62. Н. П. Некрасова. Мои воспоминания, стр. 17.

63. А. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1929, стр. 218.

64. Н. Ашукин. Некрасов и охота. «Красная нива», 1927, № 17, стр. 15.

65. Литературное наследство, т. 49—50, стр. 177—178.

66. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., «Academia», 1928, стр. 404.

67. А. Панаева. Воспоминания, стр. 315.

68. В. Белинский. Собр. соч. Т. 3. Пг., 1919, стр. 566.

69. Белинский в воспоминаниях современников. Л. «Academia», 1929, стр. 283.

70. Некрасов в воспоминаниях современников (составил И. Ветринский). М., 1911, стр. 123.

71. «Литературная газета», 29 января 1936 г.

72. «Исторический вестник», 1862, март.

73. Н. Белоголовый. Воспоминания. М., 1897, стр. 451.

74. Некрасов в воспоминаниях и документах, стр. 418.

75. Некрасовский сборник № 1. М.—Л., АН СССР, 1951, стр. 250.

76. Некрасов в воспоминаниях и документах, стр. 436—443.

77. Новелла «Доктор» написана вместе с Н. И. Старжинским.

ПЕРЕЧЕНЬ ГРАВЮР, НЕ ПОИМЕНОВАННЫХ В ТЕКСТЕ

ГРЕШНЕВО

КАРАБИХА

ПЕТЕРБУРГ И ЧУДОВСКАЯ ЛУКА

* * *

СОДЕРЖАНИЕ

КАРАБИХА

ПЕТЕРБУРГ И ЧУДОВСКАЯ ЛУКА

8Р1 **Некрасов Н. К.**
Н48 Некрасовские места России. Гравюры А. Мищенко Ярославль, Верх.-Волж. кн. изд., 1971.

176 с.

Книга Н. К. Некрасова, внучатого племянника великого поэта, представляет собой своеобразный путеводитель по некрасовским местам России, где поэт черпал материал для многих своих произведений. Очерки и новеллы живо воссоздают облик Н. А. Некрасова, его окружение и характер эпохи, в которую жил и творил наш великий земляк.

8Р1

2-8-4
76—71

Николай Константинович Некрасов

НЕКРАСОВСКИЕ МЕСТА РОССИИ

Гравюры выполнены художником
А. Мищенко
специально для данного издания

Редактор О. Гончарова
Художественный редактор В. Усов
Технический редактор В. Панфилова
Корректор А. Горшкова

Сдано в набор 18 ноября 1970 г. Подписано к печати 26 апреля 1971 г. АК00215. Формат бумаги 70 × 108 1/32. Бумага мелованная. Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд. л. 5,25. Тираж 50 000 (1—25 000). Заказ 3996. Цена 83 коп.

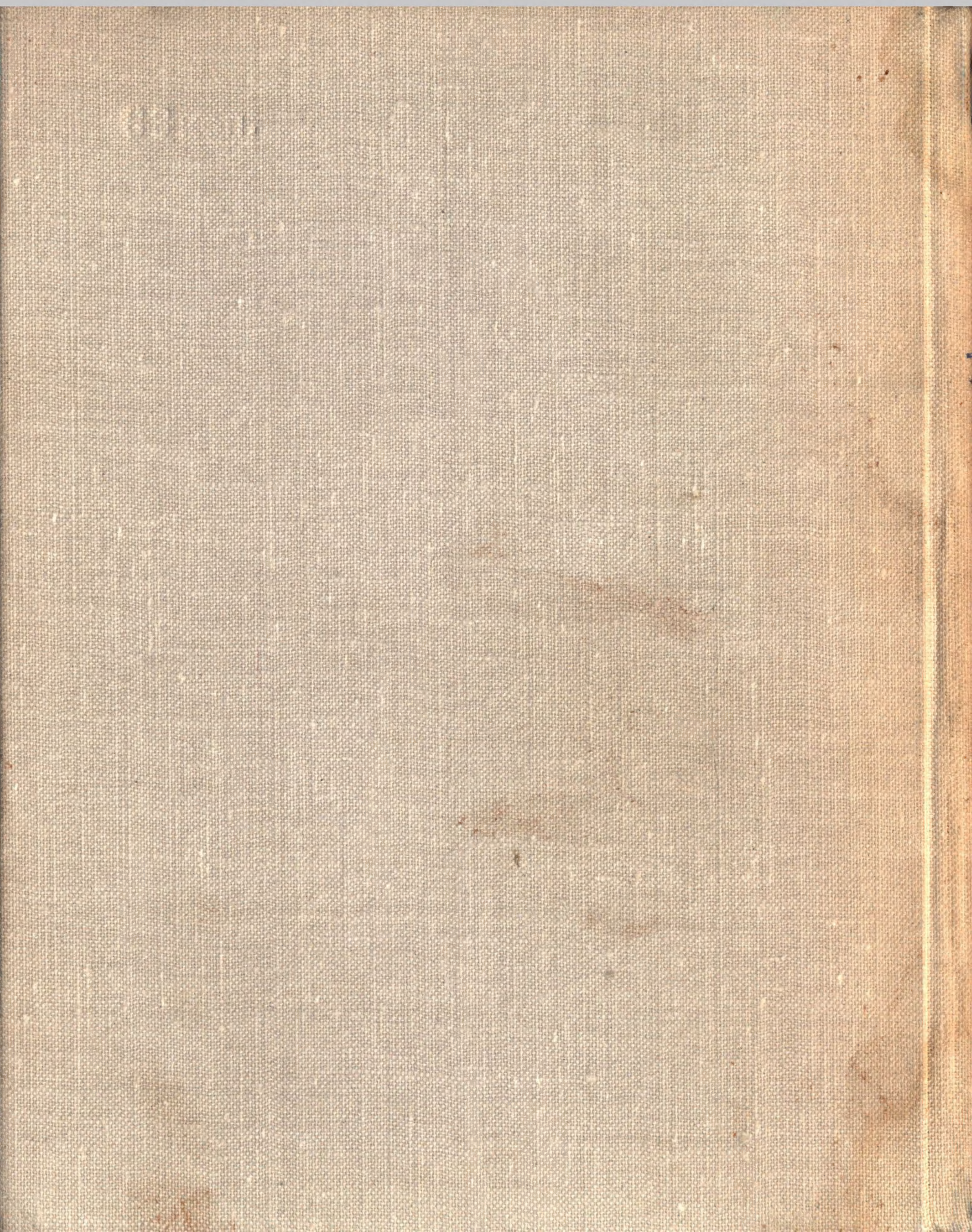
Верхне-Волжское книжное издательство Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ярославль, ул. Трефолева, 12.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

Некрасовские места России